ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Евгения
Горская

ПОД ЗАЩИТОЙ ВЫСШИХ СИЛ

ЭКСМО

Евгения Горская

Под защитой высших сил

Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648928
Евгения Горская. Под защитой высших сил: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69829-5

Аннотация

Денис Ракитин сразу обратил внимание на Настю, девушку с грустными глазами, похожую на ожившую античную статую, и подумал: с Ларисой пора расставаться. Их связь тянулась еще со школы и благополучно пережила несколько замужеств Лары, но сейчас она почему-то начала его тяготить. Денис старался выбросить из головы мысли о Насте, пока однажды вечером не заметил, как ее преследует черная машина… Настя не поняла, о чем говорит новый начальник: кому она нужна? Ее тихая скромная жизнь полностью сосредоточена на любовнике Борисе, хотя в последнее время он все чаще оставался ночевать у мамы… А через несколько дней на Настю кто-то напал и едва не задушил! Боря не смог приехать, зато рядом оказался Ракитин – он и спугнул преступника, зайдя следом за ней в подъезд. Денис был прав: ей угрожает серьезная опасность!.. Но у Насти нет врагов! Кто же ненавидит ее так сильно, что хочет убить?

Евгения Горская
Под защитой высших сил

Татьяна Устинова

Прошлое неотступно преследует нас

Много ли нужно, чтобы мир преобразился? Чтобы в одночасье жизнь из однообразной и серой превратилась в яркую и зажигательную?

Мне достаточно одной книжки!

Для нас, читателей, жизнь с новым детективом качественно отличается от жизни без нового детектива. Мысль о нем согревает и придает сил. Еще пять минут назад казалось, что день категорически не удался, а сейчас в руках новый роман Евгении Горской «Под защитой высших сил». Счастье и ликование, есть что почитать!

Вы ведь тоже мучаетесь с выбором книги на ночь? Когда роешься на полках домашней библиотеки, перебирая корешки уже прочитанных и перечитанных книг, мечтая о легком, захватывающем, интересном, в меру опасном и – самое главное – новом приключении. Вот… чтобы все, как мы любим, но только новое!

Поэтому я всегда с нетерпением жду очередную книгу Евгении Горской. Я в ней заранее уверена, и детектив «Под защитой высших сил» с лихвой оправдывает все ожидания.

Хорошая книга!.. Таких сейчас пишут мало, ах как мало!

Читать стало пугающе нечего, несмотря на разнообразие обложек в книжных магазинах. Выручает Евгения Горская – она пишет отличнейшие детективы. Ее тексты искрометны, точны, легки и игривы, а интриги тщательнейшим образом продуманы и старательно запутаны – без помощи автора нам ни за что не разобраться! Роман читается быстро, залпом, на одном дыхании: с первых страниц затягивает в бешено бурлящий водоворот, казалось бы, не связанных событий и характерных – смешных и страшных – персонажей.

Горская в очередной раз заставляет нас вцепиться в ее новую книгу как в спасательный круг и сломя голову нестись навстречу новой, увлекательной и парадоксальной развязке.

Какой бы сногсшибательно интересной и лихой ни была интрига, нам всегда нужна минута, чтобы перевести дыхание, отвлечься, осознать произошедшее. Это правило железно срабатывает и в литературе, и жизни. Время от времени нам необходима короткая пауза, после которой можно бежать дальше. И Евгения Горская умело жонглирует сюжетными линиями, «переключает» и смешит нас – ее увлеченных и благодарных читателей. Наше внимание легко и незаметно переключается с детективной интриги на любовную. Вот мы вместе с героиней Настей сначала недоумеваем, откуда взялся серый «Форд», из которого злодеи вроде бы следят за ней, хотя зачем за ней следить, она самый обыкновенный инженер, и тут же радуемся, что рядом оказался Денис, новый начальник и непонятный человек, который приходит

на помощь в самый нужный момент.

Читаешь «Под защитой высших сил» и до самой последней страницы не веришь: неужели герои и правда смогут выпутаться из этого ужаса?! Кто строит козни против несчастной Насти? Кого на самом деле любит Денис? И почему семейная реликвия – сердоликовый слоник с рубиновыми глазками – достается вовсе не тому, кому предназначался?..

Что скрывается в прошлом, какие страшные тайны, какие скелеты в шкафу?.. А там есть что прятать, уверяю вас! Чего только нет в этих старых пыльных шкафах, каких только ужасных происшествий, недоделанных дел, неосуществленных любовей! Ведь недаром говорят, что прошлое неотступно преследует нас, и хорошо, если оно светлое и радостное, а если стыдное и страшное? Как быть? Выход только один – жить дальше здесь и сейчас, а за грехи прошлого пусть отвечают те, кто их совершил, или тогда уж не отвечает никто. Жизнь слишком коротка и непредсказуема, чтобы тратить ее на оплату чужих счетов.

Разумеется, мир не может преобразиться в одно мгновение, да, собственно говоря, этого и не нужно. Но есть время читать, и это не одно мгновение, а, к счастью, больше, гораздо больше!.. Пока вы читаете эту книгу, мир вокруг вас, может, и не изменится, но уж точно ваш собственный, личный, маленький мир станет ярче, объемнее и интересней!

Среда, 27 октября

Она ненавидела Анастасию Берсеньеву так сильно, что иногда ее это по-настоящему пугало. Временами ей казалось, будто вся ее жизнь сосредоточена только на одном: на необходимости срочно, сию минуту, сделать что-то, чтобы Берсеньева не только никогда больше не попадалась ей на глаза, но чтобы ее вообще не было. Чтобы она попала под машину, или умерла от скоротечной болезни, или ее убил бы за жалкие копейки обкурившийся наркоман.

Но и эти картины ее не радовали, она понимала, что Настина смерть не принесет ей облегчения, это слишком низкая цена за те муки, которые она испытывала из-за самого Настиного существования. Берсеньева должна не просто умереть, она должна умереть в муках. И обязательно знать, кто принес ей смерть и муки. Должна рыдать, и вымаливать прощение, и каяться, и ползать у ее ног, и только после этого ненависть, такая оглушающая и острая, пойдет на убыль, а потом исчезнет совсем, и она сможет наконец-то жить спокойно. Как жила до встречи с Берсеньевой.

Ненависть была давней, и она уже почти привыкла к ней и понимала, что сделать ничего с Настей не сможет, и только боялась, что это чувство разъест изнутри ее собственный организм, и из-за неминуемых болезней еще больше ненавидела ее.

Она вздохнула, провела ладонями по лицу и медленно потянулась к телефону.

– Настюша, – грустно произнес Боря, – я сегодня к тебе не приду. К маме поеду. Горло болит, и температура наверняка есть. Работать совсем не могу. Ты-то как?

– Я нормально, – отчиталась Настя.

– Ну слава богу. Придешь домой, позвони.

– Обязательно.

Ей хотелось сказать, что ухаживать за ним она сможет не хуже его мамы, но не сказала. Болеть Борис всегда ездил к матери. Чтобы ее, Настю, не заражать.

– Не хочу, чтобы и ты заболела, – произнес грустно Боря. – Ты уж поосторожней, не простудись.

Заразить маму он почему-то не боялся.

– Поправляйся, Борь, – попросила Настя и добавила совсем лишнее: – Я буду тебя ждать.

Он нисколько не сомневался, что она будет его ждать.

Настя бросила телефон в сумку и потянулась за сигаретой.

Ей давно уже пора привыкнуть к тому, что Борис живет на два дома. Даже не так: он живет у мамы, а к ней, к Насте, просто приходит в гости. С ночевкой.

Пора привыкнуть, но она не привыкла. Ей надо знать, приедет он вечером или нет. И строить планы на выходные. Но планы она не строила давно, потому что Борис в любой момент мог бросить ее одну.

– Мне необходимо съездить к маме, Настюша, – вспоминал он в субботу утром. – Приезжает тетя Тоня, я давно ее не видел.

Или нужно съездить с мамой на дачу. Или сделать еще что-нибудь гораздо более важное, чем побыть с ней, Настей.

Ее он с собой никогда не приглашал.

Ей хотелось, чтобы у них была «семья», но семьи не получилось.

Настя достала сигарету из пачки, покрутила и сунула руку в карман брюк – зажигалка была на месте. Давно надо бросить вредную привычку курить и радоваться тому, что ей придется идти в пустую квартиру, например.

Настя отъехала на кресле от рабочего стола, посмотрела в погасший экран компьютера и отправилась в курилку на холодную пожарную лестницу.

* * *

Ракитин мог думать только в абсолютной тишине. Любые звуки: музыка, разговоры – его раздражали, от этого мысли путались, терялись, и это вызывало еще большее раздражение. В курилке он был один и думать мог сколько угодно.

Размышлять ему было о чем. Он третий день занимал солидную должность заместителя директора солидного проектного института. Не то что он очень стремился к этой должности, но, когда совсем недавно знакомый по бесчисленным совещаниям директор смежного института предложил ему стать своим заместителем, согласился сразу. Даже раньше, чем успел удивиться неожиданному предложению.

Ракитин уставился на неработающую камеру внутреннего наблюдения и едва не вздрогнул, когда гулко хлопнула тяжелая металлическая лестничная дверь.

К счастью, появившаяся девушка была одна, стояла тихо и размышлять не мешала.

Надо узнать, почему не работает камера, решил Ракитин. И приказать, чтобы починили. Потом мысленно прошелся по длинному перечню проектов, которые нужно было сдать к новому году, и только тогда понял, что смотрит украдкой на бледный профиль незнакомой девушки. Профиль был красивый, необычный, только он не мог понять, в чем его необычность. Как на старинной монете, почему-то подумалось Ракитину, хотя старинных монет он и в руках никогда не держал, только на картинках видел.

Девушка повернулась к нему лицом, сбрасывая пепел, и он поспешно отвернулся. Снова мысленно прошелся по перечню проектов, который уже знал наизусть, и украдкой посмотрел на девушку. Теперь она стояла к нему вполоборота и в полумраке показалась ему похожей на античную статую.

Красивая, не смог не признать Ракитин, решительно погасил сигарету и быстро спустился на пол-этажа к собственному, еще непривычному, кабинету.

* * *

Настроение после Бориного звонка окончательно испор-

тилось. Не хотелось работать, и не хотелось идти домой. Что она будет делать одна весь вечер? Одной ей было тоскливо. Она мечтала приготовить для Бори ужин и рассказать ему, что соседка Эмма Владимировна, которую Настя встретила утром у подъезда, завела новую собаку неизвестной породы. Совсем маленькая собачка испугалась большой Насти и спряталась за хозяйку.

Или еще что-нибудь рассказать, или просто помолчать, глядя на уставшего Борю.

С трудом сосредоточившись на проекте, Настя заставила себя углубиться в очередную схему и, подняв голову на стук открываемой двери, над которой висели часы, удивилась, что рабочий день подошел к концу.

– К завтрашнему утру нужно подготовить справку по всем текущим проектам, – лениво приказала вошедшая Таня Саморукова. Татьяна, став несколько месяцев назад начальником отдела, всегда говорила лениво, чуть растягивая слова. И всегда именно так: «Нужно сделать». Впрочем, иногда Таня говорила не «нужно сделать», а «вы можете сделать то-то и то-то?», и никогда – «сделайте, пожалуйста». Наверное, чтобы не произносить «пожалуйста». Вместо «спасибо» же просто кивала.

Саморукова, войдя в комнату, где, кроме Насти, было еще два человека, ни к кому конкретно не обращалась, но все понимали, что справку придется готовить Насте. Витя Торошин, только летом окончивший институт, и Инна Марковна,

которой уже давно полагалось быть на пенсии, выжидательно уставились на молодую начальницу, а Настя и не взглянула на нее.

Она уже давно с трудом выносила Саморукову и сейчас с грустью подумала, что придется увольняться.

Увольняться не хотелось. Работа Насте нравилась, люди в отделе тоже, добираться до института было удобно, и даже зарплата в последнее время стала очень приличной.

– Настя, ты меня не слышишь? – спросила Татьяна.

– Слышу.

– Ну и умница. Так не забудь, к завтрашнему утру.

Татьяна повернулась и бесшумно исчезла за дверью.

Придется увольняться, хоть и не хочется.

Они с Татьяной учились в одной группе и сюда, в институт, пришли одновременно на преддипломную практику и остались работать в одном отделе. Настя, сразу попав под руководство старого и признанного проектировщика Льва Владимировича Россмана, быстро стала работать самостоятельно, радовалась похвалам шефа и конвертам с деньгами, которые он вручал ей все чаще, и жалела Татьяну, без конца переходившую из одной группы в другую и ничему так и не научившуюся.

Хотя это ее, Настю, надо было жалеть. Потому что Саморукова все семь лет, что они провели в институте, делала главное: мелькала в кабинетах начальства. И домелькалась до того, что, к удивлению и недоумению сотрудников, вышел

приказ о назначении ее и.о. начальника отдела.

– Нелепость какая! – возмущался Лев Владимирович. – Хотите, Настенька, я к директору схожу? Вы – гораздо более подходящая кандидатура. Я считаю, что вы единственный достойный претендент на эту должность. Мне-то все равно, я не сегодня завтра на пенсию уйду, а вам под этой дурищей работать ни к чему.

– Нет, Лев Владимирович, – улыбнулась Настя на «дурищу», очень уж странно было слышать столь нелестную характеристику из уст безукоризненно воспитанного человека. – Не хочу. Назначили и назначили. Я локтями толкаться не умею и учиться этому не собираюсь.

Очень скоро отдел был прочно поделен на приближенных к молодой начальнице и всех прочих, и Настя, не стремившаяся в «приближенные», все чаще думала об увольнении.

Справка была готова, когда институт совсем опустел, а на улице темнела мрачная и ранняя ноябрьская ночь.

Покурю напоследок, решила Настя. Она никак не ожидала кого-либо увидеть на черной лестнице, но опять наткнулась на незнакомого мужика, с которым курила днем.

Он был очень высокий и какой-то… щеголеватый, что ли, в темно-сером костюме и при галстуке. В институте народ одевался просто: джинсы, свитер. В костюмах разгуливало только начальство.

Татьяна тоже попыталась внедрить в обиход офисные костюмы. Причем для женщин, мужская одежда ее почему-то

не занимала. Теперь тех, кто хотел получить ее одобрение, стало видно по одежке. Настин вид, свитер и брюки, одобрения не вызывал.

Настя вернулась в комнату, еще раз перечитала справку, отправила ее на Татьянин электронный адрес и выключила компьютер.

Одеваясь у встроенного шкафа, посмотрела на себя в зеркало и поморщилась: бесцветная облезлая тетка. «Завтра накрашусь. Накрашусь и волосы уложу», – пообещала себе Настя.

* * *

Ракитин никак не ожидал увидеть ее так поздно в пустом здании и опять незаметно попытался рассмотреть. Зачем ему разглядывать незнакомую девицу, он и сам не понимал. Ухаживать за ней он не собирался, как вообще ухаживать за кем бы то ни было, ему бы со своей личной жизнью разобраться, но смотреть на нее отчего-то хотелось.

Она похожа на античную статую, окончательно решил он, косясь на ее плотно сжатые губы. На статую, ожившую в самое неподходящее время. Впрочем, ему нет дела ни до каких статуй, и он отвернулся.

Девушка ушла, тихо хлопнув дверью, и он, сам не зная зачем, бросил недокуренную сигарету и метнулся к кабинету. Наспех натянул плащ, запер дверь, подергал зачем-то ручку,

как будто замок мог открыться, и направился к лестнице.

Идущий сверху лифт остановился: видно, кто-то вызвал его, а ждать не стал или уехал на другом. В открывшихся дверях стояла ожившая статуя, и он испугался, что она решит, будто кабину вызвал он. Будто он не способен спуститься пешком с четвертого этажа, как дряхлый дед.

Ракитин быстро прошел мимо открытой кабины и побежал вниз по лестнице.

Он направлялся к автомобильной стоянке, замешкавшись в темном, еще плохо знакомом дворе, когда она обогнала его, прошла через калитку окружавшего здание металлического забора, и он зачем-то стал смотреть ей вслед.

Она подошла к трамвайной остановке, расположенной всего в нескольких шагах от института, посмотрела налево, высматривая трамвай, постояла несколько мгновений и, решившись, побрела к метро, сунув руки в карманы куртки.

Потом Ракитин удивлялся, что заметил тронувшуюся за ней неприметную машину. Девушка шла медленно, и машина ехала медленно, Ракитину все это отчего-то очень не понравилось, и он сам не осознал, зачем пошел к не нужному ему метро, не выпуская ее из виду.

Ехать ей оказалось всего ничего, одну остановку.

Он стоял рядом с ней в полупустом вагоне, но она его не замечала, и это отчего-то его задело.

Девушка вышла наверх с редкой толпой пассажиров, когда он, решившись и ругая себя за это, догнал ее, осторожно

тронул за рукав и буркнул:

– Я вас провожу.

Настя увидела рядом с собой давешнего мужика и чуть не брякнула как дура: «Здравствуйте». К счастью, вовремя остановилась.

– Зачем? – без улыбки спросила она.

Несмеяна, подумалось Ракитину. Когда-то в детстве бабушка читала ему сказку про Несмеяну. Он не предполагал, что когда-нибудь вспомнит это забытое слово.

– Поздно уже, – объяснил он. – Темно. Я вас провожу.

– Спасибо, – отказалась она. – Мне недалеко. И иду я по освещенной улице.

– Я вас провожу, – повторил он и стал смотреть мимо нее, ожидая, когда она сдвинется с места.

– Н-ну… спасибо, – сдалась она наконец, пожала плечами и, не оглядываясь, зашагала по действительно ярко освещенной улице.

Девушка не обманула, она и в самом деле жила совсем рядом с метро.

– Я пришла, – Настя остановилась и кивнула на дверь подъезда. – Спасибо.

Несмеяна. Ожившая статуя.

Подъезд оказался освещенным. Безопасным. Так ехала за ней темная машина или ему померещилось?

– Я провожу вас до двери.

– Ну это уже лишнее, – отрезала она. – Извините. И еще

раз спасибо.

Была машина или ему показалось?

– Вы… одна живете? – Она решит, что я спятил, запоздало ужаснулся Ракитин.

– У меня… гражданский муж, – отчиталась она после некоторой заминки и, резко повернувшись, скрылась за темной дверью.

Про гражданского мужа говорить было нельзя, это прозвучало глупо и пошло. Впрочем, какое ей дело до незнакомого мужика из курилки? Пусть думает что хочет. Даже, что она круглая дура.

Ракитин терпеть не мог «гражданские» браки. Гражданским считался брак его родителей, он был зарегистрирован в загсе и не освящен церковью, и никаких других «гражданских» браков Ракитин не признавал. А она явно имеет в виду другое.

Его раздражало, когда правильное понятие подменяли неправильным. Но сейчас он чувствовал раздражение по другому поводу: она живет с каким-то мужчиной. Впрочем, какое ему до этого дело?

Он еще постоял и отправился назад к метро, к институту и к собственной машине.

Киллер, проводив взглядом темную фигуру, поднялся с деревянной лавочки, в последний раз посмотрел на только что зажегшиеся окна жертвы, бросил окурок в стоявшую рядом

урну и не торопясь пошел вдоль длинного дома. Впрочем, пока он еще никого не убил, киллером ему только предстояло стать.

А пока он был самым обычным человеком.

Нет, не обычным. Он отчего-то почти не помнил об этом и, вспоминая, каждый раз удивлялся, словно не мог до конца поверить в то, что с ним случилось.

Достав на ходу очередную сигарету, он остановился, прикуривая, и сразу же зашагал дальше, отметив, что почти не нервничает. Как будто знает, что все будет хорошо.

Подходя к собственной машине, он еле слышно выругался. Нечего заниматься самоанализом, нужно думать о деле.

О том, например, что он висит на крючке у Заказчика так прочно, что нет никакой возможности сорваться с этого крючка. И даже если он сделает то, что от него требуется, то есть устроит этой девчонке несчастный случай, для него самого это может означать только отсрочку.

Он не верил, что Заказчик отпустит его на все четыре стороны.

Конечно, не отпустит.

«Думай, – приказал он себе. – Думай, и решение придет».

Звонок телефона Настя услышала, еще отпирая дверь, и еле успела схватить трубку.

– Настюша, ну что так поздно? – облегченно вздохнул Боря. – Я уже изнервничался весь.

– Справку по проектам составляла, – с трудом стягивая одной рукой куртку, объяснила Настя. – Справка понадобилась к завтрашнему утру.

– Ну и что? – возмутился он. – Пусть еще кто-нибудь сделает!

– Да некому больше, ты же знаешь.

– Это не твоя головная боль. Нужно было отказаться! Нечего одной по улицам болтаться, вон темень какая.

– Ладно, Борь, – Настя наконец-то сняла куртку и повесила на вешалку. – Я уже пришла, что теперь говорить.

– В следующий раз не задерживайся, – велел он. – Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – удивилась Настя. – У нас ты больной, а не я.

– По такой погоде простудиться проще простого.

– Как ты, Борь? Температура есть?

– Температуры нет, – вздохнул он. – А самочувствие ужасное. Голова болит, горло саднит. Да ты еще куда-то запропастилась.

– Поправляйся, Боренька.

– Настя, – он понизил голос. Вероятно, чтобы мать не услышала, – я уже соскучился.

– Ну так приехал бы, – брякнула она. – Болеть и здесь можно.

– На-астя, – строго упрекнул он. – Ну что ты говоришь? Ну куда я поеду? Я ног не таскаю.

– Поправляйся, Боренька.

Почему-то ей было неприятно слушать про его беспомощность. Ей казалось, что незнакомый мужчина, ни с того ни с сего проводивший ее до дома, никогда не стал бы так отчаянно жаловаться.

– Целую тебя, родная.

– И я тебя.

Готовить не хотелось. И есть не хотелось. Настя включила чайник, переоделась в старенький халат, как обычно, подумав, что халат давно пора заменить, и подошла к книжным полкам. Найти бы какой-нибудь давно забытый детектив и читать весь оставшийся вечер, и не думать ни о Боре с его болезнями, ни о Татьяне Саморуковой с ее «ну и умница».

Подходящий детектив не находился. Настя заварила чай и вновь вернулась к книжным полкам.

И отчего-то испуганно вздрогнула, когда зазвонил стоявший рядом городской телефон.

– Здорово, Настюха, – засмеялись в трубке. – Как жизнь молодая?

– Привет, Игорек, – улыбнулась Настя. – Нормально. А ты?

– Я-то? Я отлично.

Игорь был ее единственным близким по возрасту родственником. Родственником в полном смысле этого слова Игоря назвать нельзя. Дядя Лева, Настин двоюродный дед, бабушкин брат, женился на тете Лиле, матери Игоря, когда

тому было уже лет восемь. Мальчика дядя Лева усыновил, любил и считал за родного. Брак оказался неудачным. Тетя Лиля, которая была гораздо моложе дяди Левы, очень скоро его бросила, и с тех пор Лева жил один.

Настя, бывая у него в гостях, нередко встречала Игоря. Он был шумным, веселым, но Настя отчего-то очень от него уставала. Как будто, разговаривая с ним, выполняла тяжелую работу.

Еще студентом Игорь женился на своей однокурснице, дочери бизнесмена, сейчас стал директором в фирме тестя, каждые полгода менял машины, обязательно демонстрируя очередную Насте и подробно объясняя преимущества данной модели, на ее взгляд, почти не отличающейся от предыдущей. Носил умопомрачительные по стоимости костюмы и запредельно дорогую обувь и был всегда доволен собой, своим положением и жизнью.

– Ты чего так поздно-то? Я тебе уже два раза звонил.

– Да так. В институте задержалась.

– В институте? Ну ты даешь! Бросай ее к черту, эту службу. Красивые женщины не должны работать, они должны украшать жизнь мужчинам.

– Ладно, Игорь, я подумаю над этим, – усмехнулась Настя, сразу почувствовав привычную усталость от разговора с ним.

– А я знаешь чего звоню-то? У Льва ведь день рождения скоро. Насчет подарка посоветоваться хочу. Ты ему что по-

даришь?

– Не думала еще. До дня рождения больше месяца.

– Не думала она! Думать надо заранее, а не в последнюю неделю по магазинам бегать. Я вот советуюсь, может, ему камин купить?

– Господи, Игорь! Зачем камин в обычной московской квартире?

– Как зачем? Для престижу.

– Ерунда какая-то. То есть покупай, если очень хочется. Он его может потом на дачу отвезти. Хотя на даче печка есть.

– То есть ты камин не одобряешь?

– Не знаю. Я бы камин точно не хотела, а как дядя Лева… не знаю.

– Сомневаешься, значит?

– Сомневаюсь. Как Лена?

Лена, жена Игоря, Насте нравилась. Тихая, спокойная женщина, по уши влюбленная в своего громогласного мужа.

– Ленка-то? Ленка нормально. Ну ладно, Настюха, бывай. Если я еще что надумаю насчет подарка, я тебе позвоню.

Настя положила трубку и неожиданно поняла, что очень устала.

Вообще устала. От жизни.

И от разговора с Игорем.

Ей было шесть лет, когда она впервые увидела Игорька.

В то время дядя Лева жил вместе с бабушкой. Дедушка умер, когда Настя была совсем маленькой, и бабушка съеха-

лась с братом Левой. Выходные Настя, как правило, проводила у них и бабушкину квартиру считала своим вторым домом.

В тот день у них появилась тетя Лиля с сыном Игорьком. Взрослые сидели за накрытым, как к празднику, столом и на детей почти не обращали внимания.

– Пойдем на улицу, – предложил ей Игорь, – двор мне покажешь, и вообще…

– Не хочется. – Насте совсем не хотелось гулять. Никого из детей она в бабушкином дворе не знала, потому что одну ее гулять не пускали, да и дома с дядей и бабушкой было гораздо интереснее, чем с ребятами.

– Не хочешь? – удивился Игорь. – Ну и что! Я-то хочу! Одевайся быстро, и пошли.

Наверное, Настя так хорошо и запомнила тот день, потому что едва ли не впервые в жизни стала делать то, чего делать вовсе не собиралась. И не потому, что так велели взрослые, а… бог его знает почему.

Она послушно оделась и показывала Игорю окрестные переулки, и очень хотела домой, и еле дождалась, когда папа за ней приехал.

До тех пор она никогда не рвалась к родителям от бабушки и дяди Левы…

Настя вернулась на кухню, заварила чай и взяла в руки горячую чашку.

Господи, как же она устала.

Кажется, это называется осенней депрессией.

Четверг, 28 октября

Ракитин узнал ее сразу. Народ подтягивался к институту неохотно. В девять, когда, собственно, и начинался рабочий день, почти никто еще не пришел, разве что уборщицы. Вчерашняя девица появилась на дорожке перед главным входом в девять десять. Ракитин смотрел из окна кабинета, как она приближается к ступеням крыльца, и только тогда вспомнил, что еще не включил компьютер, а дел у него столько, что впору волосы на себе рвать.

Она исчезла под козырьком подъезда, а он сел на свое новое рабочее место. Включил компьютер, постучал пальцами по столу, ожидая, когда тот загрузится, потом решительно встал и отправился в курилку. Она только что пришла и, может быть, выйдет покурить.

Курилка была пуста. Ракитин несколько раз затянулся, выбросил окурок, вернулся в кабинет и наконец-то принялся за дела.

В десять ровно в кабинет постучали, и в дверях показалась начальница проектного отдела Татьяна Юрьевна Саморукова. Хорошо, что он запомнил, как ее зовут.

– Денис Геннадьевич, – робко улыбаясь, напомнила Саморукова, – вы просили справку. Я принесла.

– Здравствуйте, Татьяна Юрьевна. Зачем же на бумаге? Лучше бы по почте прислали. Я же вам вчера адрес продик-

товал.

– Но… – смешалась Саморукова, – я всегда… на бумаге.

– Ну давайте, – вздохнул он и спохватился: – Садитесь, пожалуйста.

Читать, когда сидящая напротив женщина ест его глазами, было трудно и неприятно, но он себя заставил.

– Я не понял, – он поднял на нее глаза. Саморукова была хороша. Чуть полная блондинка с правильными чертами лица и прямыми волосами до плеч. То есть это он раньше подумал бы, что она хороша, пока не видел ожившую статую. Вот «статуя» хороша, это точно. – Почему на восьмом объекте стоит старая версия системы? Везде новая, а на восьмом старая?

– Я… не знаю. Я… распоряжусь, – она так откровенно перепугалась, что ему стало ее жаль.

– Не надо распоряжаться, вы мне просто объясните.

Через пять минут стало ясно, что Саморукова в работе ею же самой возглавляемого отдела ничего не понимает. Он никогда не поверил бы, что такое может быть, если бы не наблюдал это сейчас собственными глазами. Чудеса! Кто же и за что выдвинул ее на столь ответственную должность?

– Пожалуйста, пригласите ко мне ведущих разработчиков, – попросил он, – прямо сейчас.

– Я все выясню, Денис Геннадьевич…

– Не надо ничего выяснять. Пригласите ведущих разработчиков. – Он не любил дур. Тем более дур руководящих.

Как он мог совсем недавно подумать, что она красива? Сейчас она казалась ему ущербной.

Саморукова ворвалась в комнату, кипя от ярости. Она всегда приносила начальству подготовленные подчиненными документы, улыбалась и встречала ответные улыбки. Ей даже в голову не приходило, что кто-то может допрашивать ее, как студентку на экзамене.

А почему? Потому что дура Берсеньева дурацкую справку не смогла как следует составить.

– Настя, ты даже элементарную справку подготовить не в состоянии! – закричала Татьяна. – Я из-за тебя полчаса у руководства краснела! Отдел премии лишить могут, ты это понимаешь?

«Надо увольняться, – с тоской подумала Настя, – надо немедленно увольняться».

– Ты что, не слышишь?

– Слышу. – Господи, только бы не заплакать.

– Иди к новому заму!

– Куда?

– Что – куда? Я сказала, к новому заму!

– А мы не знаем, где сидит новый зам, Татьяна Юрьевна, – улыбнулся Витя Торошин, оторвавшись от компьютера. – Мы работаем, нам некогда кабинеты начальства запоминать.

– Торошин, – сразу успокоившись, улыбнулась Татьяна, –

ты еще не знаешь, что означают записи в трудовой книжке. И не советую узнавать. Ничего хорошего не будет, поверь мне.

– Перестань, Витя, – Настя поднялась из-за стола и повернулась к начальнице: – Так куда идти-то? Вы не сказали номер кабинета.

Татьяна помедлила и, резко развернувшись, понеслась к лестнице на четвертый этаж.

– А побыстрее нельзя? – сделав несколько шагов, повернулась она к отставшей Насте.

– Можно, – Настя прибавила шагу.

Новый заместитель генерального директора сидел в кабинете номер 417.

Вчерашний мужчина в костюме и галстуке. Щеголь, который зачем-то отправился ее провожать.

– Ракитин Денис Геннадьевич, – представился он, поднявшись из-за стола.

– Берсеньева Анастасия Александровна, – мрачно отрапортовала Настя.

– Можно, я вас буду звать Настей? – пристально ее разглядывая, спросил он.

– Можно.

– Татьяна Юрьевна, вы свободны, – он повернулся к замершей Саморуковой. – Спасибо.

Татьяна вспыхнула, хотела что-то сказать, но под взглядом Ракитина сникла и исчезла за дверью.

Нужно немедленно увольняться.

– Садитесь, Настя. – Он дождался, когда она усядется, и сел сам. – Кто руководит проектами в вашем отделе?

– Россман. Лев Владимирович. – Настя украдкой осмотрела кабинет. Она впервые была здесь. – Но он болеет давно, поэтому… я.

Кабинет производил впечатление. Массивная мебель темного дерева, удобные стулья, даже потолки казались гораздо более высокими, чем в их отделе, хотя этого уж точно не могло быть, поскольку все этажи здания были спроектированы совершенно одинаково.

– А… Саморукова?

Настя пожала плечами.

– Понял.

Она покосилась на плотно сжатые губы Ракитина. Отчего-то ей показалось, что он и в самом деле все понял.

– Почему на восьмом объекте стоит старая версия системы?

– Мы делаем только часть объекта. Частично АСУ уже существует, и там стоит система. Старая версия. Ставить две нецелесообразно. Обслуживать дорого.

Он спрашивал, она отвечала.

У нее есть «гражданский» муж. Значит, у него нет никаких шансов.

Ну и не надо.

В отдел Настя вернулась не скоро, часа через полтора.

У стола Инны Марковны сидела табельщица Антонина Ивановна, которой, как и Инне, давно полагалось быть на пенсии. Антонина Ивановна в новом пиджаке в соответствии с требуемым теперь стилем одежды сообщала Инне последние новости. Пиджак на невысокой и бесформенной Антонине сидел плохо, и Настя мимоходом ее пожалела.

– Танечка в отпуск собирается. В Египет. Там сейчас хорошо, не жарко, – сказала Антонина.

– Так она же была в отпуске, – удивилась Инна. – В июне.

– Тогда она только две недели отгуляла.

– Да? А по-моему, она отгуляла весь отпуск целиком. У нас тогда настоящая запарка была, конец квартала, четыре проекта одновременно сдавали, нам лишние руки очень были нужны, а Саморукова в отпуск отправилась.

– Так это же хорошо, – подал голос Витя. – Не мешала, под ногами не путалась.

– Да ну вас, – жалобно замахала рукой табельщица. – За что вы ее так не любите?

«А ведь я тоже могу уйти в отпуск, – подумала Настя. – И спокойно искать работу».

В этом году она не отдыхала. Летом стояла несусветная, невообразимая жара, и Борис жил с мамой на даче: там жара переносилась гораздо легче. У Насти дачи нет, и она жила в Москве. Дача есть у дяди Левы, вернее, даже не дача, а настоящий загородный дом на огромном участке. Дядя Лева был бы рад внучатой племяннице и в самую жару звонил

каждый день и требовал, чтобы она немедленно ехала к нему «на природу». Настя не поехала. Не поехала потому, что родственники воспринимали их с Борисом как семью, а семьи у них не получилось, и признаться в этом Насте было стыдно. Ну как бы она объяснила дяде Леве, что приедет одна, потому что Боре и так неплохо с мамой за городом.

Настя все лето ходила на работу. Не дома же сидеть одной. Здесь хотя бы кондиционер есть.

– Антонина Ивановна, – окликнула табельщицу Настя. – Я хочу пойти в отпуск. Заявление на бланке писать или от руки?

– В отпуск? – насторожилась Антонина. – Ты спроси у Татьяны. Все-таки конец года, самая сдача, а ты в отпуск собралась. Лучше возьми после Нового года.

– После Нового года у Насти будет следующий отпуск, – напомнила Инна. – А недоделанных проектов она никогда не бросает. Все успеет, можешь не беспокоиться.

– А почему Антонина Ивановна должна беспокоиться? – не понял Витя. – С каких пор это входит в функции табельщиц? Простите, Антонина Ивановна, я не хочу вас обидеть, но…

– Не ищите смысла, Витя. У нас в отделе нет больше должностных инструкций, – объяснила Инна Марковна. – Если бы они были, начальника отдела пришлось бы немедленно снимать. За профессиональную непригодность.

– Так заявление писать на бланке или от руки? – спросила

Настя.

– На бланке. Ну что вы все на Татьяну взъелись? Она работает, старается…

– Угу. Старается. Перетрудилась и второй раз в отпуск идет? Не морочь мне голову, никаких дней от отпуска у нее остаться не могло. Я прекрасно помню, что она отгуляла все четыре недели.

«Пойду в отпуск, точно. На Египет у меня денег нет, так хоть дома отдохну», – подумала Настя.

Телефон в сумке заиграл неожиданно, и Настя только теперь вспомнила, что еще не разговаривала с Борей. Она, кажется, даже не вспомнила о нем за все сегодняшнее утро.

А раньше думала о нем непрерывно.

– Ты где, Настюша? В институте? – спросил он.

– Да, Борь. Как самочувствие?

– Так себе. Я работу на дом взял, но делать ничего не могу: голова тяжелая.

– Ну и не делай.

– Ты-то как? Не простудилась?

– Нет. Я в порядке. Боря, я собираюсь пойти в отпуск.

– Сейчас? – удивился он. – Время какое-то… неподходящее. А меня что же, одного бросишь?

Насте вдруг стало противно. Не обидно, как иногда бывало, а именно противно, чего до сих пор не было ни разу.

Он все полтора месяца адской жары просидел за городом, ему даже не пришло в голову предложить ей тоже отдохнуть

на даче, а сейчас в его голосе слышалась обида маленького ребенка.

– Я тебя не брошу, – пообещала она. – Я просто хочу посидеть дома.

– Ну-у, не знаю. Странно это как-то. Неожиданно.

– Почему неожиданно? – удивилась Настя. – Ты же знаешь, что я не была в отпуске в этом году.

– Я думал, мы всегда будем вместе отдыхать…

– Я тоже так думала.

– Ты… меня упрекаешь? – напрягся он.

– Нет, Боря. Я просто хочу отдохнуть. И больше ничего.

– Ну, как знаешь.

Он отключился, значит, обиделся всерьез. Она только не поняла, на что. Впрочем, это неважно. Когда он обижался, она обычно звонила ему до тех пор, пока обида совсем не исчезнет из его голоса. Раза три подряд как минимум.

Время шло, а киллер так и не принял окончательного решения.

Нет, он не дергался, не нервничал, не психовал, он спокойно просчитывал варианты, хваля себя за выдержку и хладнокровие.

Он хвалил себя с той самой минуты, как человек, который тогда еще не был Заказчиком, протянул ему пачку фотографий. Тогда киллер не понял, что в них такого особенного, и удивленно посмотрел в холодные улыбающиеся глаза

Заказчика.

Что к чему, он сообразил через несколько минут. И тогда же до него дошло, что его прежней веселой жизни пришел конец.

Сейчас он запретил себе отвлекаться на ненужные воспоминания.

Сейчас ему предстоит выбирать.

Вариантов было два. Несчастный случай с девушкой Анастасией, которую провожал накануне высокий мужик в дорогом плаще. Или несчастный случай с самим Заказчиком.

Второй вариант киллеру нравился больше, но он был сложнее, потому что Заказчик далеко не дурак и наверняка постарается себя обезопасить.

Почти перед самым обедом позвонила жена Игоря Лена. С ней Настя разговаривала редко, только когда они поздравляли друг друга на день рождения да на Новый год. И встречались редко, обычно в дни рождения дяди Левы и бабушки. Ну и Игоря, конечно. Тетю Лилю бабушка терпеть не могла и никогда после развода брата ее не приглашала, а к Игорьку относилась по-родственному и без него никакое семейное торжество не мыслила.

Лена понравилась и Насте, и бабушке сразу же, когда Игорь привел ее познакомить с новыми родственниками, и с каждой новой встречей нравилась все больше. Немногословная Лена походила на Настиных родственников и на са-

му Настю больше шумного Игоря, разговаривать с ней было легко, и в их семье она сразу стала своей. Более своей, чем Игорь.

– Настя, мне очень нужно с тобой поговорить. Давай встретимся, – предложила Лена.

– Давай, – удивилась Настя. – А что случилось?

Никогда раньше Лена не предлагала ей встретиться наедине, просто так.

– Ничего, – с заминкой ответила Лена. – Ничего. Ты не волнуйся. Просто… у меня проблемы. Ты на работе?

– Да.

– Можно, я к тебе приеду? Ты ведь сможешь выйти?

– Конечно. – Настя объяснила, где находится институт.

– Я буду минут через двадцать, – пообещала Лена и отключилась.

Доехала она еще быстрее, Настя не успела даже толком просмотреть предложения по очередному проекту, присланные ей из соседнего отдела по электронной почте.

– Я внизу, – сообщила Лена. – В машине. Сижу рядом со входом.

Настя накинула куртку и в дверях столкнулась с Саморуковой.

– Я могу узнать, куда ты направляешься? – зло и ехидно улыбнулась начальница.

– Можешь, – кивнула Настя, показала на висевшие над дверью часы и объяснила: – На обед. Половина первого –

обеденное время.

Придется увольняться, выносить Саморукову становилось все труднее с каждым днем.

– Что-то случилось, Лен? – тревожно спросила Настя, залезая в серебристую «Хонду».

Если бы у Насти были деньги, она тоже купила бы точно такую. Скромная и очень красивая машина удивительно шла бледной худощавой Лене с небрежно собранными в хвост светлыми волосами и в небрежно расстегнутом баснословно дорогом пальто.

– Нет. – Лена быстро посмотрела на нее и отвела глаза. – Настя… Мне просто некому больше сказать… С Игорем что-то происходит в последнее время.

Она замолчала, и Настя, покосившись на грустное Ленино лицо, поторопила ее:

– Что? Что происходит?

– Не знаю, – прошептала Лена, все так же глядя прямо перед собой. – Что-то его беспокоит. Понимаешь, с фирмой все в порядке, договоров много, прибыль нормальная, даже отличная, а он какой-то… озабоченный все время. Думает о чем-то…

– Ну и что? – не поняла Настя. – Мало ли о чем человек может думать. Ты не фантазируешь?

– Нет, – уверенно покачала головой Лена. – Не фантазирую. Его что-то беспокоит, и это связано с тобой.

– Со мной?! Да мы с ним общаемся-то только по большим

праздникам. По-моему, он обо мне и вспоминает только перед дядь-Левиным днем рождения. Лен, ну какое ему до меня дело? С чего бы ему из-за меня переживать?

– Ну, во-первых, дело ему до тебя есть. Он тебя любит, я знаю, и относится к тебе как к сестре. Так что ерунду не говори.

В том, что Игорь ее любит, Настя сомневалась. Иногда она сомневалась даже в том, что он вообще способен кого-то любить, кроме себя. Впрочем, к жене Игорь всегда относился с большой заботой. Да и к дяде Леве тоже.

– А… с чего ты взяла, будто его что-то беспокоит в связи со мной?

– Трудно объяснить. Он думает о чем-то, и лицо у него делается такое… тревожное. А потом заговаривает о тебе. Вот вчера… Весь вечер молчал, а потом сказал, что ты не отдыхаешь совсем. Что хорошо бы тебя в Африку отправить. Кстати, может, тебе действительно отпуск взять и съездить куда-нибудь?

Насте никогда не пришло бы в голову, что Игорь помнит, была ли она в отпуске. Впрочем, она мало думала об Игоре.

– В отпуск я действительно собираюсь. А ехать никуда не хочу. Дома буду.

Лена понимающе кивнула. Настя никому не говорила, что Борис в отпуске уже был, но сейчас ей показалось, что чуткая Лена об этом догадывается.

– Настя, у тебя никаких неприятностей нет?

– Нет, – твердо уверила ее Настя.

У нее нет никаких неприятностей. Если не считать того, что Боря болеет у мамы, и ей приходится возвращаться в пустую квартиру. А еще придется искать работу, потому что видеть и слышать Саморукову больше нет никаких сил.

– Настя, ты подумай, – попросила Лена. – Ну из-за чего Игорь может нервничать?

– Не из-за меня. Точно. Лен, а ты точно не фантазируешь? Он мне звонил вчера, и я не заметила, чтобы он нервничал. Балагурил, как всегда.

– Зачем он тебе звонил?

– Он собирается подарить дяде Леве камин. Советовался, – усмехнулась Настя.

– Камин? Бред какой. Зачем дяде Леве камин?

– Вот и я не знаю.

– Может… это просто был повод? – Лена развернулась и посмотрела на нее в упор. Глаза у нее были тревожные, и Настя всерьез забеспокоилась.

– Леночка, у меня нет ничего такого, из-за чего он мог бы волноваться. И делить мне с ним нечего. Если у него какие-то трудности, то это со мной никак не связано.

– Ладно, – вздохнула Лена. – Ты извини, что я тебя с работы сорвала.

– Да ну, ерунда какая. Я всегда рада тебя видеть.

– Я тебя тоже. Надо нам почаще встречаться. Может, прямо в эти выходные? – оживилась Лена. – Приезжайте к нам

с Борей.

– Он болеет.

– Ну так одна приезжай. Приезжай, Настя. Что тебе дома одной сидеть? А я рада буду, и Игорь тоже.

И опять Настя поразилась ее проницательности. Как она догадалась, что Боря болеет у матери?

– Приезжай обязательно, – велела Лена. – Хочешь, я за тобой заеду?

– Спасибо, – улыбнулась Настя. – Это лишнее.

– Значит, договорились. Мы тебя ждем. В субботу. Часа в три. Подходит?

– Подходит, – опять улыбнулась Настя.

Она ничего не планировала на выходные. Да и что было планировать? Стирку? Поход в магазин за продуктами? А ведь это здорово, провести субботний вечер в гостях. С чуткой Леной. С громогласным Игорем, который в присутствии жены становился совсем не шумным и не надоедливым. Вернее, не таким шумным, как обычно.

Помахав Лене, Настя вернулась, зашла к Антонине Ивановне, взяла бланк на отпуск, написала, что берет двадцать четыре дня начиная с одиннадцатого ноября. Ровно через две недели с момента подачи заявления. Точно в соответствии с трудовым законодательством.

Оставила заявление на столе у табельщицы и уселась перед компьютером, соображая, как за две недели закончить четыре больших проекта. Конечно, время будет и после от-

пуска, но вчерне все необходимо сделать до него.

Татьяна ворвалась в комнату в самом конце рабочего дня, когда ни Вити, ни Инны Марковны уже не было: трудовая дисциплина в институте соблюдалась слабо.

– Ты решила меня подставить, да? – выдохнула бывшая однокурсница с такой злобой, что Настя опешила.

– Что я… решила?

– Ты думаешь, уйдешь в отпуск, и отдел развалится, да? Без тебя никто ничего не сможет? – Татьяна перешла на визг.

Такой Настя Саморукову еще не видела. Она часто говорила злые и оскорбительные слова, но обходилась без крика. В институте повышать голос было не принято.

– Ты думаешь, я тебя упрашивать буду? Не надейся! Я подписала тебе заявление! Ты хочешь меня подсидеть, да?

– Тань, ты в своем уме?

– Я-то в своем! Это вы все здесь чего-то не понимаете. Инна ваша языком мелет, думает, я не знаю? Ей на пенсию захотелось? Так это я мигом устрою! Так ей и передай!

– На пенсию ты ее, наверное, отправить можешь, хотя я сомневаюсь. Она здесь всю жизнь проработала, и ее директор знает получше тебя. Сообразит, я думаю, что такими специалистами не разбрасываются.

– Не тебе решать, кем тут разбрасываются!

– Что здесь происходит? – удивился новый зам Ракитин, появившись перед ними словно ниоткуда. Он спокойно переводил взгляд с одной женщины на другую и ждал объяс-

нений.

– Я вам нужна, Денис Геннадьевич? – Татьяна, мгновенно преобразившись, смотрела на него в меру ласково, без заискивания, говорила спокойно и негромко.

Настя так не умела. Она знала, что теперь несколько дней будет вспоминать отвратительный разговор и уговаривать себя не обращать внимания.

– Нет. Но я хотел бы знать, что здесь произошло.

– Я собираюсь пойти в отпуск, а Татьяне Юрьевне это не нравится, – объяснила Настя.

– Почему не нравится? – удивился зам. – Это ваше право.

– Анастасия Александровна чего-то не поняла, – улыбнулась Татьяна. – Я подписала ей заявление.

Денис Геннадьевич пожал плечами и повернулся к Насте:

– Покурить не хотите? То есть курить не обязательно, даже не надо, – запутался он. – Просто мне надо с вами поговорить. Конфиденциально.

Он весь день о ней думал. Это мешало работать и вообще было ни к чему, и Ракитин на себя злился. Она говорила мало, но каждое слово, ею сказанное, было ему абсолютно понятно, хотя обычно он женщин не понимал, даже Ларису. Объясняться с ней было для него сущим мучением. Он не понимал, почему она обижается, хотя ничего обидного он не сказал, или почему смеется, когда он говорит о вещах абсолютно серьезных и уж в любом случае совсем не смешных. С Настей, похожей на ожившую античную статую, он разгова-

ривал, как с давно знакомым близким человеком, с которым можно обходиться почти без слов, и это было удивительно.

Впрочем, сегодня она уже не напоминала ему статую. Сегодня у нее были накрашены глаза, совсем мало, почти незаметно, но он заметил и не знал, нравится ему это или нет. Утром у себя в кабинете он осторожно ее разглядывал, стараясь делать это не очень заметно, но так и не разглядел. Во всяком случае, ему хотелось смотреть на нее еще.

«Я должен выяснить, ехала ли за ней машина, – объяснил он себе собственный интерес к чужой девице. – Если это так, ее надо хотя бы предупредить». Объяснение его устроило, и, направляясь в отдел проектирования, он чувствовал себя спокойно и уверенно, как обычно.

Только услышав, как на нее орет Саморукова, он понял: что-то изменилось, потому что ощутил неожиданное и всепоглощающее желание защитить Настю. Никогда раньше у него такого желания не возникало. Может быть, потому, что женщины рядом с ним вполне могли постоять за себя сами.

«Она мне этого не простит, – с тоской подумала Настя, посмотрев на замершую Саморукову. – Она никогда мне этого не простит».

Искать работу и увольняться.

Настя достала сигарету из лежащей на столе пачки и молча двинулась за Ракитиным. Он толкнул дверь и, как истинный джентльмен, посторонился, пропуская ее вперед.

Настя молчала и на Ракитина не смотрела, только в курил-

ке вопросительно подняла на него глаза.

– Часто она так… бушует? – спросил он и затянулся сигаретным дымом.

– Да нет. В первый раз. – Настя покрутила зажженную сигарету.

Он подумал вдруг, что не хочет с ней расставаться, ему отчаянно захотелось провести с ней вечер. В ресторан сходить, например. Пить вино под негромкую музыку, шутить, рассказывать ей что-нибудь смешное. И чтобы она смеялась, а он, не стесняясь, на нее смотрел.

Она ждала, когда он заговорит, и дольше тянуть было нельзя.

– Я хочу вас проводить, – сказал он.

– Зачем?

– Не зачем. Почему, – решился Ракитин. Настя смотрела на него спокойно, и это его отчего-то разозлило. Нет, скорее обидело. – Настя, я прошу вас отнестись к моим словам серьезно. Вчера, когда вы шли к метро, за вами ехала машина.

– Ну и что?

– Она ехала медленно. Понимаете? Она ехала за вами.

– Чушь какая! Извините, – опомнилась она.

– Я бы тоже решил, что чушь, – согласился он. – Если бы не видел это собственными глазами.

– Там могло быть сколько угодно машин, – объяснила Настя, – и ехать они могли куда угодно. Но ко мне это не имеет отношения. За мной некому ехать.

– Это имеет отношение именно к вам.

– Да почему?

– Потому что, кроме вас, на улице никого не было. Никого. Только вы одна.

– Да нет, ерунда какая-то. Вы поэтому пошли меня провожать? – Этого спрашивать было нельзя ни в коем случае. Она ведет себя как идиотка. Конечно, поэтому. Почему же еще? Неужели влюбился в нее с первого взгляда?

– Не только. Мне просто захотелось вас проводить.

Она точно идиотка, поставила и его и себя в глупое положение. Теперь ему придется как-то выкручиваться, чтобы ее не обидеть.

– Я и сейчас вас провожу. Если позволите.

– Нет, Денис Геннадьевич, – Настя решительно потушила только что раскуренную сигарету. – Спасибо. У меня есть… друг, и ему это будет неприятно.

И этого говорить было нельзя. Получилось, что она расценивает его заботу как ухаживание.

– Я помню. – Он тоже наклонился над урной, туша окурок. – У меня хорошая память. У вас есть гражданский муж. Но я все-таки хотел бы вас проводить.

– Нет, – твердо отказалась она, – спасибо.

Ракитин посмотрел на захлопнувшуюся за ней дверь, зло стукнул кулаком по стене и воровато покосился на камеру. К счастью, она по-прежнему была выключена: он не вспомнил о ней и не распорядился привести ее в порядок.

Быстро сбежав по лестнице, он метнулся в свой кабинет, схватил плащ, наспех запер дверь и уже через несколько минут, выехав с автомобильной стоянки, пристроил машину рядом со входом в институтский двор.

Как и вчера, Настя медленно вышла из решетчатой калитки, постояла на трамвайной остановке, подождала немного и побрела в сторону метро мимо уже облетевших голых деревьев – подобия скверика.

Как и вчера, она была одна на безлюдной улице, только сегодня ни одна машина не тронулась за ней следом.

Ракитин хотел развернуться, но почему-то проехал вперед, остановился в двух шагах перед ней, перегнулся через сиденье, открыл дверь и позвал:

– Садитесь.

Она, помедлив мгновение, послушно залезла в машину и кивнула – спасибо.

До ее подъезда они ехали молча.

– Спасибо, – поблагодарила она, вылезая, и, не оглядываясь, скрылась за железной дверью.

Нужно было позвонить Боре, но звонить почему-то не хотелось.

В подъезде Насте неожиданно стало очень грустно. А вот новый зам вряд ли обиделся бы, если б его жена решила взять законный отпуск. И сам он едва ли стал бы проводить отпуск без нее. Без жены. Если, конечно, у него есть жена. Обручального кольца на руке у него нет. Впрочем, какое ей дело

до нового зама и его жены?

Тут ей пришла в голову мысль настолько удивительная и неожиданная, что она замерла с ключом в руке. Как хорошо, что Бори нет дома, подумала Настя. Сейчас она отопрет дверь, найдет полузабытый детектив, поужинает, глядя в книжку, и не будет думать о том, как бы чем-то случайно не обидеть Борю. Она все последние годы боялась его обидеть, и сейчас ей стало за это стыдно.

Настя не только перед родными, она и перед собой делала вид, что у них с Борей – семья, а никакой семьи нет. Есть двое людей, живущих каждый своей жизнью, – Боря, считавший вполне допустимым просидеть весь отпуск с мамой на даче. И она, Настя, и ей сейчас очень хочется провести месяц дома, одной, без Бори и без опасений его обидеть. Настя отперла замок, вошла в прихожую и захлопнула за собой дверь.

Ракитин посидел, жалея, что он за рулем и даже в ресторан пойти не может, он бы сейчас с удовольствием выпил и поел нормально. Проехал по дорожке между домами и влился в неплотный поток машин.

Нужно поскорее и навсегда о Берсеньевой забыть. О ней и о ее «гражданском» муже.

Когда раздался звонок в дверь, Ракитин уже успел улечься на старом диване с только что купленным в киоске у метро боевичком. Автора его Ракитин не знал и был уверен, что покупает очередную чушь, которую с трудом сможет осилить до

конца, а потом положит на подоконник в надежде, что кто-нибудь, соблазнившись, возьмет почитать этот боевичок.

Как ни странно, незнакомый автор увлек его с первой же страницы, и Денису не хотелось принимать никаких гостей. Вернее, гостью. Без предварительного звонка к нему являлась только Лариса.

– Заходи, – посторонился он, впуская давнюю подругу.

– Привет, Ракитин, – она обняла его за шею и чмокнула в щеку. – Чем это пахнет?

Скинув плащ, она мгновенно ринулась на кухню и заглянула в стоящую на плите кастрюлю.

– Пельмени? Ну их, Дениска, пойдем в кабак. Пойдем, а?

– Не хочу, – отмахнулся Ракитин, успев удивиться, что совсем недавно мечтал поужинать именно в ресторане.

– Ну не хочешь, и не надо, – легко согласилась Лариса.

Она всегда легко соглашалась со всеми его нехитрыми желаниями. Наверное, поэтому их отношения и тянулись так долго, еще с девятого класса. То есть тогда ни о каких «отношениях» не могло быть и речи, просто с Лариской Шелеховой ему всегда было весело и легко. Она не была клинической дурой, какими он считал большинство своих одноклассниц, с ней не приходилось мучительно придумывать тему для разговора. С ней он мог потрепаться ни о чем или просто помолчать.

В школе их не считали «парой», и потом, в институте, тоже не считали, но и совсем чужими их назвать было нельзя.

Они вместе ходили на дискотеки, пили вино на студенческих вечеринках, оставались друг у друга на ночь, когда родители были в отъезде, и вовсе не задумывались о совместной жизни.

На третьем курсе Лариса впервые вышла замуж. Его тогда это ужасно удивило, но совсем не обидело и не расстроило, и, отговаривая ее перед свадьбой от опрометчивого шага, он вовсе не собирался предложить ей собственную руку. Ему это даже не пришло в голову.

Избранник был ее сокурсником и среди студентов не выделялся ничем, кроме папы – депутата то ли городской думы, то ли еще какой-то. Развелись они меньше чем через год. К тому времени папа-депутат уже был не депутатом, он не стал даже рядовым бизнесменом под крылышком тогдашнего всесильного мэра. Не поделив чего-то с кем-то из сильных мира сего и попав в поле зрения правоохранительных органов, он вернулся в свой научный институт, из которого и вышел когда-то в заманчивый мир большой политики. Конечно, в институт он вернулся человеком весьма не бедным, да и сейчас, насколько Ларисе известно, не бедствует.

Ларисин развод к приключениям свекра прямого отношения не имел, просто терпеть трусливого и никчемного мужа, от отцовских бед впадающего в ступор, оказалось выше ее сил.

Сейчас Лариса находилась в четвертом браке, каждый раз выбирая себе в мужья почти точную копию первого супруга.

Почему ее так тянет к слабым и зависимым мужикам, Ракитин понять не мог. Она меняла мужей, но имела одного постоянного любовника – его, Дениса. Сколько было других, не постоянных, он не знал и никогда этим не интересовался.

Он смотрел, как она ловко и быстро накрывает на стол, иногда замирая и любуясь результатом собственных усилий, и чувствовал непонятную неловкость. Раньше он никогда не испытывал дискомфорта в обществе давней подруги.

– Ешь. – Лариса сунула вилку ему в руку, и, улыбаясь, уселась напротив.

Худенькая и стройная, коротко стриженная, она выглядела лет на десять моложе своего возраста.

– Что ты меня разглядываешь?

Ракитин виновато пожал плечами и улыбнулся. Он и сам не знал, почему так пристально ее разглядывает.

– Я постриглась. Нравится? – Она покрутила головой, глядя на свое отражение в темном окне кухни.

– Отлично, – похвалил он, не видя никакой разницы между нынешней прической и прежней.

Ему хотелось понять, красивая Лариса женщина или не очень. Почему-то раньше он никогда не задавался этим вопросом. Наверное, красивая, раз меняет мужей, как надоевшие свитера.

Он отстраненно подумал, что похожая на античную статую девушка, пожалуй, является для него эталоном красоты. Ему все время вспоминалась Настя, и от этого было неловко

перед школьной подругой.

Аппетит у него отчего-то пропал, и он через силу запихивал в себя восхитительно пахнущие пельмени.

– Как работается на новом месте?

Он молча пожал плечами – еще не разобрался.

– Слушай, Ракитин, – деловито посмотрела на него Лариса, отложив вилку. – У меня есть три миллиона бюджетных денег. Их нужно обязательно освоить в этом году, а то, сам понимаешь, в следующем нам финансирование урежут.

Это он понимал. Выделенные бюджетные, то есть государственные деньги полагается тратить до копейки в запланированный срок. Почему-то экономия здесь не приветствовалась, и если, не дай бог, какая-то организация не расходовала всех выделенных средств, в следующем году ей урезали финансирование. Это была невероятная глупость, и все это понимали, но делали вид, что существующее положение дел разумное и правильное.

В отличие от своих мужей Лариса сделала замечательную карьеру, уже третий год является директором фирмы, курирующей системы автоматизации в отрасли. Сама фирма занималась исключительно распределением средств между организациями – разработчиками систем и была никому не нужна, кроме Ларисы и тех чиновников, которые получали «откаты». Впрочем, ничего уж совсем криминального Лариса себе никогда не позволяла, а должность директора ей очень нравилась, и своим положением она была вполне до-

вольна.

Сейчас она искренне хотела ему помочь, и Ракитин это оценил. Привлекать заказчиков входило в его прямые должностные обязанности, и принести в институт три миллиона в первые же дни работы означало отлично себя зарекомендовать.

– Спасибо, Лар, – поблагодарил он. – Я еще не разобрался с делами, не уверен, что мы сможем отработать твои деньги до Нового года. Но все равно спасибо.

Лариса через стол протянула ему руки, и он по привычке поцеловал тонкие пальцы.

– Господи, как редко мы видимся. – Обойдя стол, она обняла его за плечи.

Интересно, как в институте делятся средства между исполнителями? До настоящих разработчиков деньги доходят? Нужно выяснить, велел он себе. Завтра же.

Почему-то ему казалось, что громогласная Саморукова себя при дележе не обижает.

А неулыбчивую Настю?

– Ты что, Ракитин? – опешила Лариса, когда он мягко отодвинул ее и встал, отвернувшись к окну.

– Извини, Лар. Я… устал что-то. – Ему было неловко на нее смотреть.

– Устал? – Она подошла и встала рядом, не прикасаясь к нему. – Ракитин, а ты случайно бабу не завел?

– С чего ты взяла? – удивился он, уставившись на нее.

– Да так… – засмеялась Лариса, тряхнув короткими волосами. – Ты, Ракитин, бабу не заводи. Не морочь ей голову. Знаешь почему?

– Почему? – как дурак спросил он.

– Потому что жить ты можешь только со мной. А я с тобой. Так что женишься ты на мне и больше ни на ком.

– Тебя посадят, – усмехнулся он. – У нас двоемужие запрещено законом.

– А я разведусь, – успокоила его она. – Ладно, Ракитин, раз уж ты… устал, пойду я. А насчет денег подумай и позвони. Только не тяни. Неделя – самое большее, что я могу тебе дать.

А она несчастна, неожиданно подумал Денис, подавая ей плащ.

Ему сделалось так отчаянно жаль ее, что он боялся на нее взглянуть.

Он с облегчением запер за ней дверь и устыдился этого облегчения.

Пятница, 29 октября

Заманчивым Ларисиным предложением насчет бюджетных денег стоило воспользоваться. Ракитин позвонил Саморуковой, едва придя в институт. На месте ее не оказалось. И через полчаса не было, и через час. Появилась начальница отдела проектирования только в половине двенадцатого, почти в разгар рабочего дня. Ракитина, всегда считавшего, что

любой руководитель должен быть примером для подчиненных во всем, и в вопросах дисциплины тоже, это неприятно удивило. Впрочем, он уже имел о ней некоторое представление, и удивление его быстро прошло.

– Татьяна Юрьевна, – он вежливо привстал, когда запыхавшаяся Саморукова появилась у него в кабинете, и показал ей на стул. – Скажите, пожалуйста, какая загрузка у вашего отдела до конца года?

– Какая загрузка? – не поняла она.

– Ну… какие текущие проекты должны быть сданы до конца года, кто разработчики? Какие проекты начнутся уже в этом году и, опять-таки, кто разработчики? Сколько денег у отдела на остаток года?

– Я… выясню, – пролепетала Татьяна.

– Да хотя бы приблизительно, без подробностей, – попросил он. Такие элементарные цифры начальнику отдела полагалось помнить наизусть.

Она молчала, только на щеках начали разгораться пунцовые пятна. Она не знала, какие проекты разрабатываются в ее отделе и на какие деньги. Ему стало жалко сидевшую перед ним женщину. Он уже понимал, что будет добиваться, чтобы ее сняли. Впрочем, еще неизвестно, кого следовало пожалеть, Саморукову или его самого, потому что снять с должности гораздо труднее, чем назначить.

– Ладно, Татьяна Юрьевна, – вздохнул он, – подготовьте справку. И заодно мне нужны данные по зарплате всех со-

трудников.

– Это можно в бухгалтерии узнать, – с облегчением объяснила она.

– Ну так узнайте.

Она отчего-то дернулась, как будто он предлагал ей нечто совершенно недозволенное, вспыхнула, хотела что-то сказать, но промолчала и вышла из кабинета.

Через час с проектами ему все стало более-менее ясно, чего он не мог сказать о зарплате. Оклады, надбавки к ним, чистая «белая» бухгалтерия… Но ведь были еще выплаты, не учтенные в официальных документах, он знал это совершенно точно. Какие-то деньги вручались сотрудникам в конвертах, поскольку обеспечить достойными зарплатами инженеров, не пользуясь всевозможными финансовыми лазейками, в наше время совершенно невозможно.

– А… «серая» зарплата? – осторожно поинтересовался он у непонятно чем довольной Саморуковой.

– Серая? – удивилась она.

– Ее что, не было?

– Была, – Татьяна опять начала краснеть, – но я… Я не помню суммы.

– Ну и не надо помнить. Вы мне документы принесите.

– Какие документы? – она удивленно подняла на него глаза.

Ракитин знал, что суммы, выделяемые на отделы, раздавались их начальникам, а они уже собственноручно делили

деньги между сотрудниками, он и предположить не мог, что эти деньги исчезают без следа. Без каких-либо документов.

Он никогда бы не поверил, что такое бывает, если бы эта красивая женщина не смотрела сейчас на него непонимающими глазами.

– Какие суммы вам выделялись в течение года, вы можете припомнить? Вернее, не припомнить, а принести мне платежки. Или как там это у вас называется.

Она кивнула.

– Общие суммы, – пояснил он. – Общие суммы на отдел. С деньгами необходимо разобраться.

Время приближалось к обеду, но почти ничего из намеченного на утро Настя сделать не успела. Сначала пришлось готовить очередную справку для Татьяны, теперь уже по всем проектам до конца года. Потом она долго разбиралась со связистами, которые перепутали выходные сигналы в очередном проекте. Настя заметила это случайно, указывать на чужие ошибки ей было неприятно, и от этого упало и без того не лучшее настроение.

Она едва успела вернуться от связистов, как позвонили соисполнители из Твери, и пришлось долго объяснять, почему нельзя реализовать их пожелания.

Настя уже почти закончила разговор, когда в отделе появилась начальница. Постояла, понаблюдала за немногочисленными подчиненными и, когда Настя положила трубку,

укоризненно произнесла:

– Настя, ну нельзя же так подолгу занимать телефон. В конце концов, ты мешаешь всем остальным.

Как будто она трепалась с подружкой о вчерашней вечеринке, а не вела чисто служебный разговор.

«До отпуска осталось меньше двух недель, – напомнила себе Настя. – Меньше двух недель, и я больше не буду ее видеть и слышать».

Инна Марковна повернулась к Татьяне, по-видимому, собралась вступиться за Настю, но не успела: в комнату вошел Денис Геннадьевич.

– Здравствуйте, – поздоровался он в дверях, прошел на середину комнаты и оглядел присутствующих. – У меня к вам просьба. Ко всем. И к вам, Татьяна Юрьевна, тоже. Пожалуйста, напишите, кто и сколько денег получил в этом году. Тех, что не перечислялись на банковские карточки.

– Хорошо, Денис Геннадьевич, – пообещала Татьяна. – Мы напишем. Я вам принесу.

– Не нужно приносить, – отказался зам и, обведя взглядом проектировщиков, успокоил: – Не торопитесь, я подожду.

Подвинул себе незанятый стул и скромненько уселся у стенки.

Конечно, все, и Настя тоже, понимали, что деньги, которые вручаются им, и суммы, которые начальство оставляет у себя, несоизмеримы. Периодически возникали разговоры на эту тему, особенно когда Татьяна отправлялась в очередной

вояж за границу, но все настолько привыкли, что до настоящих разработчиков доходят только крохи, что дальше разговоров дело не шло.

Почему новый зам этим заинтересовался? Хочет навести порядок?

Впрочем, еще неизвестно, какие цели он преследует. Может быть, как раз наоборот, считает, что проектировщикам переплатили.

Конверты с деньгами им вручали приблизительно раз в квартал, и все суммы Настя отлично помнила. Их трудно было не запомнить, потому что получила она три раза по тридцать тысяч рублей. В первом квартале, во втором и в третьем.

И тут совершенно не вовремя засветился лежащий на столе телефон. Настя быстро схватила аппарат, но он все-таки успел тренькнуть.

– Да, Борь, – прошептала Настя. Почему-то ей было неловко разговаривать при Денисе Геннадьевиче.

– Что ты не звонишь? – недовольно произнес Борис.

Еще бы ему быть довольным: она не позвонила вчера вечером, хотя понимала, что он на нее обиделся. Обиделся за то, что она собралась в положенный ей законом отпуск. Раньше Настя всегда чувствовала себя виноватой, когда он на нее обижался, даже если не прав был он, а сейчас почему-то ее возмутил его недовольный голос.

– Закрутилась с утра. Как ты? – спохватилась Настя.

– Получше. Слабость только.

– Поправляйся. Борь, а… на выходные у тебя какие планы?

Она все время чувствовала присутствие Дениса Геннадьевича, и это отчего-то мешало разговаривать.

– Какие у меня могут быть планы, если я болею? – удивился он.

– А меня Лена в гости пригласила. Завтра.

– Это еще зачем? – не понял он.

– Просто так. Повидаться.

– И ты что, пойдешь? Без меня?

– Да, – подтвердила Настя.

– Ну, как знаешь. – Теперь он обиделся окончательно, но Настю это почему-то не расстроило.

Может быть, потому, что за спиной сидел Ракитин, и ей очень хотелось узнать, зачем ему понадобились эти странные отчеты об их «серой» зарплате.

И Настя, и симпатичная пожилая женщина, и молодой парнишка, смотревший на него с нескрываемым любопытством, написали несколько цифр очень быстро, но Ракитин медлил, сидел и смотрел в пространство, словно задумавшись, пока наконец, как учитель в школе, не собрал протянутые ему листки.

Когда Настя, воровато ерзая, зашептала что-то в трубку, ему сразу стало скучно, неинтересно, а попытки разобраться

с оплатой труда показались откровенно глупыми и наивными, недостойными зрелого мужчины, занимающего вполне солидную должность.

Саморукова к этому моменту куда-то исчезла, а он даже не заметил.

Он все перестал замечать, когда Настя зашептала в трубку.

Нужно поскорее о ней забыть. Какое ему до нее дело? Ему Ларисы хватает.

Через несколько минут он знал, как Саморукова делит деньги внутри отдела. Проще простого: восемьдесят процентов суммы себе, а остальное приблизительно поровну между всеми. Секретарю и табельщице чуть поменьше, проектировщикам чуть побольше.

Вместо премирования разработчиков она занимается неподотчетным пополнением собственного бюджета. Просто и незатейливо.

Как же она стала начальником отдела?

Он примерно представлял, как. Как Лариса. Та пробивалась локтями, ногтями и зубами.

Нет, расплачиваться собственным телом Ларисе никогда не приходилось, боже упаси. Да она и не стала бы. Впрочем, в этом он не уверен.

Первую свою руководящую должность Лариса получила вполне заслуженно и не очень красиво.

Она была тогда рядовым сотрудником в фирме, названия

которой Ракитин не помнил: Интер-чего-то-там. Начальницей у нее была дама предпенсионного возраста, быстро с Ларисой сдружившаяся. Дама водила Ларису на совещания в министерство, знакомила с нужными людьми и радовалась способной, умной и ответственной помощнице.

Примерно через полгода в фирме наметилась очередная реорганизация, при которой даме предполагалось дать должность начальника департамента, а Ларисе – ее место начальника отдела. К тому времени возраст начал брать свое, дама частенько уходила на больничный, а молодая и здоровая Лариса с ее обязанностями справлялась отлично. А самое главное, что все, кому надо, – то есть начальство – это прекрасно знали, тут уж Лариса постаралась.

Ракитин тогда не понял, почему Ларисе казалось таким важным обойти начальницу, он и сейчас этого не понимал, но цели своей его подруга достигла. Не постеснялась пойти к директору, пригрозила уволиться, напомнила, как часто дама бывает на больничном, и выбила заветную должность начальника департамента.

Она долго хохотала, забравшись с ногами на ракитинский диван, и подробно описывала, как онемела дама, узнав, что Лариса отныне является ее непосредственным начальником.

– Лар, – робко сказал тогда Ракитин, – но ведь это… не очень порядочно, что ли.

– Непорядочно? – удивилась подруга, ничуть не обидевшись. – Это еще почему? Я свое дело знаю. И должности со-

ответствую. Что же, мне теперь всю жизнь за ее спиной маячить? Не-ет, Денис, я так не хочу. Я хочу выбиться в жизни, понимаешь? И выбьюсь.

Она и выбилась. Она стала самой успешной из всего их школьного выпуска. А ведь училась так себе, средненько.

Ракитин встал, подошел к окну и уставился на проезжающие внизу машины.

Настя разговаривала с мужчиной, никаких сомнений.

«Забыть, – приказал себе Ракитин. – Ей нет до меня дела, а мне до нее».

Она шептала в трубку и слегка потряхивала головой, и волосы, сколотые сзади, лениво колыхались, и ему очень хотелось до них дотронуться.

Нужно работать. Ракитин еще немного постоял, вернулся к столу и набрал номер, который помнил наизусть.

– Да, Денис Геннадьевич, – услышал он злой голос. У Саморуковой был определитель, и она знала, кто ей звонит.

– Татьяна Юрьевна, – произнес он в трубку, – подготовьте мне объяснение по поводу распределения денег. Коротко. Какой вклад в проекты внес каждый человек и насколько вознаграждение соответствует этому вкладу.

– Хорошо, – согласилась она.

Это было объявление войны, и оба они это знали.

К середине дня Лариса поняла, что не может сосредоточиться на работе. Это ее удивило: работа в ряду жизненных

ценностей всегда стояла для нее на первом месте. Нет, не на первом, если быть уж совсем честной, на втором, потому что на первом месте всегда был Денис Ракитин.

Они учились в шестом классе, когда, выбежав из школы после занятий, Лариса с подругами нашла совсем маленького, неизвестно откуда взявшегося котенка. Стоял апрель, только недавно сошел снег, на мокрой голой земле школьного двора котенку было холодно, он пищал так жалобно, что Лариса чуть не расплакалась.

– Нужно его покормить, – деловито распорядилась Наташка Зайцева. – Давайте молока купим и нальем ему во что-нибудь.

Лариса сунула тощенькое невесомое тельце себе под куртку и, поглаживая крошечную пушистую головку, чувствовала себя абсолютно несчастной. Взять котенка домой мама не разрешит ни в коем случае, в этом Лариса не сомневалась. Мама даже к ближайшей подруге тете Римме старалась не ходить в гости, потому что у той жил кот, которому дозволялось все, в том числе и залезать на обеденный стол. Мама была чистюлей и, приходя от тети Риммы, подолгу вспоминала, как ей кусок не лез в горло, и ругала ее кота, а заодно и его хозяйку, целующую кота в нос, а потом спокойно продолжающую есть торт. Мама котенка взять не разрешит, а оставить его на холодной земле Лариса не могла.

– Ты что, Шелехова! – закричала Наташка. – Не трогай! У него лишай может быть!

Лариса хотела сказать, что у самой Зайцевой лишай, но не успела, потому что вышедшие из школы мальчишки с любопытством остановились около их маленькой группы. Впрочем, любопытство их оказалось недолгим, а Денис Ракитин, поправив на плече ранец, протянул руку и тоже погладил пытающегося вылезти из Ларисиной куртки котенка.

– Домой возьмешь? – поинтересовался он.

– Нет, – покачала головой она, – мне его взять не разрешат.

Ракитин потоптался, повертел головой, опять поправил ранец и решительно велел:

– Пойдем к метро.

– Зачем? – не поняла Лариса.

– Попробуем его отдать кому-нибудь.

– Делать вам нечего! – фыркнула Зайцева.

– Пойдем, пойдем, – поторопил Денис, потянув Ларису за рукав. Поднял с асфальта ее ранец, который она пристроила на более-менее сухое место, и снова потянул ее за куртку.

Ракитин был почти на голову ниже Ларисы. Тогда почти все мальчишки были ниже ее, и идти рядом с маленьким Денисом она стеснялась. Но только первые пять минут, а может быть, и еще меньше. Потому что потом Лариса перестала стесняться и только боялась, что ему надоест возиться с ней и с котенком, и он уйдет, и она опять станет самой несчастной на свете.

Котенка они пристроили часа через полтора. Отдали ка-

кой-то тетке, долго и ласково на них смотревшей. На них многие смотрели ласково, качали головами, гладили тихо попискивающего котишку, и Ларисе казалось, что это никогда не кончится, но страшно ей не было. Она уже понимала, что Денис что-нибудь придумает.

Женщина взяла котенка, улыбнулась им на прощание и скрылась в метро, а Ракитин выдохнул с облегчением.

Им отчего-то стало очень смешно, и они долго хохотали, уставившись друг на друга. Потом Денис кивнул ей и почти сразу растворился в плотном людском потоке, выходившем из метро.

Потом он долго не обращал на нее никакого внимания, до девятого класса. Но тогда он стал уже на голову выше.

– Лариса Максимовна, еще правки будут? – переминаясь с ноги на ногу, спросила секретарша Кира.

Доклад, в котором Лариса сейчас не понимала ни слова, готовили для нее вторую неделю. С ним ей предстояло выступить в городской думе, и Лариса вторую неделю придиралась к каждому слову. Придиралась не из самодурства, от этого доклада многое зависело в ее дальнейшей карьере, а к таким вещам она относилась исключительно серьезно.

– Сбрось мне его по электронной почте, – возвращая секретарю листы бумаги, распорядилась Лариса. – Я еще посмотрю и сама поправлю.

Она не любила Киру, почти не выносила. Девушка была

племянницей человека, ссориться с которым Ларисе было никак невозможно, без его согласия она никогда не села бы в свое сегодняшнее кресло. Кира работала исключительно добросовестно, со всеми была безукоризненно вежлива, но неприязнь начальницы, похоже, чувствовала, и Лариса надеялась, что она вскоре уволится. Уйдет мирно, потому что придраться было не к чему: Лариса тоже старалась быть с Кирой безукоризненно вежливой. Иногда срывалась, конечно.

Видеть Киру у Ларисы не было никаких сил: она напоминала ей Ленку Миронову.

Миронова была самой незаметной девочкой в классе, только училась лучше всех. Лариса с ней почти не разговаривала, не о чем было. Миронова ходила с двумя дурацкими косичками, даже сережек не носила, и вызывала бы у Ларисы острую жалость, если бы ей пришло в голову о Ленке задуматься.

Все изменилось, когда Лариса заметила, как смотрит на тихую отличницу Денис Ракитин. Они оканчивали восьмой класс. Была перемена, Миронова стояла у окна, смотрела вниз на школьный двор и не видела, как Ракитин, прислонившись к стене, не сводит с нее глаз.

Лариса на свою беду это увидела. Тогда она еще не знала, как называется злость и ненависть, переполнившие ее и исчезнувшие только следующей осенью, когда стало известно, что Ленка перешла в другую школу.

Наверное, ненависть исчезла не до конца, потому что, впервые увидев Киру, Лариса поняла, что не успокоится, пока не выгонит ее из собственной приемной.

Впрочем, это была не ненависть, а так, ерунда, легкая неприязнь. Настоящее чувство Лариса испытывала сейчас, после того, как Ракитин вчера «устал», когда она хотела его обнять. Вот в этом ее чувстве сплелись как раз настоящая ненависть и настоящая злость, и что-то еще, переросшее в жуткую тревогу и страх потерять Ракитина. Она давно поняла, что Дениса ей не заменит никто и никогда, что он главное в ее жизни, и жить без него она не сможет.

Все, что угодно, только не это.

Нет, работать сегодня она не способна.

Теперь она знала, как называется это чувство – ревность.

– Кира, – бросила Лариса, запирая кабинет, – меня сегодня не будет.

Ждать пришлось долго. Усевшись в машине поудобнее, Лариса терпеливо смотрела на проходящих мимо людей. В районе, где теперь работал Денис, она не бывала давно. Здесь все изменилось. На месте бывшего скверика, где на притаившихся среди кустов сирени лавочках юная Лариса с подругами любила проводить время, стояло высоченное офисное здание.

Скверик был довольно далеко от бывшего Ларисиного дома, и ходили девочки сюда нечасто, как правило, по суббо-

там. Шли в расположенный рядом кинотеатр, а потом сидели на лавочке до половины девятого, потому что в девять следовало быть дома. Ларисе сейчас хотелось выйти из машины и посмотреть, работает ли еще кинотеатр или уже давно превратился в какой-нибудь торговый центр, но она не рискнула, боялась пропустить Ракитина.

Нужно позвонить Наташке, напомнила себе Лариса. Наташа Зайцева была единственной из класса, с кем Лариса периодически созванивалась, а иногда даже встречалась. Кроме Ракитина, разумеется. Зайцева стала врачом-стоматологом, очень хорошим, дорогим, и зарабатывала, пожалуй, не меньше самой Ларисы.

Странно, но, вспоминая школу, Лариса почему-то всегда думала не о Зайцевой и даже не о Ракитине, а о самом неприятном – о Ленке Мироновой.

О том, как Денис смотрел на нее.

Лариса тогда еле досидела до конца занятий. ее все время тянуло посмотреть на Ленку, понять, что такого интересного нашел в ней Ракитин. Ну что? Глазки самые обычные, не поймешь какого цвета, а косички – так вообще как у мыши. Сама Лариса уже понимала, что внешностью бог ее не обделил, и если она не самая красивая в классе, то уж в первую тройку входит бесспорно.

Миронова рядом натягивала курточку. Если бы Лариса так пристально ее не разглядывала, она никогда не заметила бы, что около плечевого шва курточка аккуратно зашита

подходящими по цвету нитками.

– Ты что, Миронова, – удивилась Лариса и брезгливо поморщилась, показывая пальцем на небольшой аккуратный шов, – бомжиха?

Она до сих пор помнит, как испугалась тогда, произнеся слово «бомжиха». Испугалась, что услышит Ракитин. Ей не хотелось, чтобы он… слышал.

Дениса рядом не было, и кличка «бомжиха» прилипла к Мироновой сразу и навсегда. Никто не удивился, что она перешла в другую школу.

А Лариса до сих пор удивлялась, как легко она тогда справилась с ситуацией.

Она и сейчас справится, никаких сомнений. Если, конечно, ее подозрения не беспочвенны.

Лет пять назад Лариса встретила Миронову в метро. Некоторое время она сомневалась, разглядывая сидевшую напротив холеную женщину в дорогом кашемировом пальто. Сомневалась до тех пор, пока не встретилась с ней глазами и не увидела в спокойных глазах что-то такое, отчего ей сразу захотелось оказаться подальше от шумного вагона, от редких пассажиров и рекламных плакатов, приляпанных где придется.

Миронова смотрела на нее с жалостью, правда, недолго, а потом просто перестала ее замечать.

Тогда Лариса еще не стала директором фирмы, но уверенно покоряла одну карьерную вершину за другой и была со-

бой вполне довольна. Она тем же вечером позвонила Зайцевой и, аккуратно расспрашивая про бывших подруг, постаралась хоть что-то выяснить о Мироновой, но так ничего и не узнала. После восьмого класса Миронова никаких контактов с бывшими одноклассниками не поддерживала.

Затекли ноги. Лариса вышла из машины и постояла, переминаясь. Темнело, основная масса людей давно вышла из института, и Ракитина она едва не пропустила, устав неотрывно смотреть на двери здания.

– Денис! – закричала она, зачем-то замахав руками.

– Что случилось? – Он не на шутку встревожился, подходя к ее черной «Ауди».

– Ничего, – облегченно выдохнула она. Ракитин был такой, как всегда, зря она напридумывала себе ерунды. – Ничего не случилось. Просто проезжала мимо. Хочешь, домой тебя отвезу?

– Хочу, – улыбнулся он. – Только не домой, а к родителям. Я сегодня своим ходом ехал. У машины замок сломался, дверь не запирается.

– Жалко, – посочувствовала Лариса, усаживаясь в машину. – А к родителям просто так или по делу?

– По делу, – кивнул он, устроившись рядом. – Они решили мебель переставить.

– Как Галина Викторовна? – спохватилась Лариса, вспомнив, что мать Ракитина недавно долго болела.

– Нормально, – не сразу ответил он.

Лариса искоса взглянула на него, потом проследила взглядом за какой-то девушкой, удалявшейся по тротуару от ее машины. Ракитин смотрел на девушку, как когда-то на Миронову.

Суббота, 30 октября

Идти в гости Насте не хотелось. Ей ничего не хотелось с того момента, как вчера она увидела Дениса Геннадьевича с красивой темноволосой женщиной, весело замахавшей руками при виде заместителя директора. Настя спускалась по лестнице как раз за ним и боялась, что он обернется, увидит ее и опять пойдет провожать, а Настя не знала, о чем с ним разговаривать, и боялась показаться тупой и нелюбезной.

Ракитин не обернулся. Он быстро подошел к ждавшей его женщине, улыбаясь, что-то говорил ей, и было ясно, что это не случайная знакомая. Жена, скорее всего.

Настя не выдержала и, проходя мимо черной машины, в которую сел Денис Геннадьевич, незаметно заглянула внутрь: ей зачем-то очень хотелось получше рассмотреть эту даму.

Хотела посмотреть на женщину, а встретила взгляд Дениса Геннадьевича.

Это было ужасно. Настя шла к метро по исхоженной дороге, стараясь не бежать, и от стыда готова была провалиться сквозь землю. Что он будет теперь о ней думать, ей страшно было даже представить.

Идти в гости не хотелось, но рядом с чуткой Леной Настя почти сразу почувствовала себя легко и почти забыла, что Дениса Геннадьевича встречала красивая женщина, а она, Настя, как идиотка, заглянула в ее машину.

– Ты чем-то расстроена? – тихо спросила Лена, как только Игорь, отправившись к бару за спиртным, оставил их одних.

– Есть немного, – призналась Настя, устраиваясь за накрытым столом на мягком стуле. – С начальницей… не сработались. Буду другое место искать.

– Приходи к нам, – предложил вернувшийся с двумя бутылками Игорь: мартини для дам и водкой для себя. – Сделаю тебя начальницей какого-нибудь отдела, и будешь сама подчиненных гонять в свое удовольствие.

– Нет. Спасибо.

– Почему это нет? Я ей дело предлагаю, а она нос воротит.

– Игорь! Перестань! – одернула мужа Лена. – Не все мечтают под твоим руководством работать.

– Ворочу, – улыбнулась Настя, как обычно, удивившись непохожести тактичной Лены и грубого Игоря.

– А почему, можно полюбопытствовать? – Игорь улыбнулся виновато, и Настя сразу перестала на него сердиться. Тоже как обычно.

– Любопытствуй. Я хороший инженер и хочу работать инженером. И чтобы зарплата у меня была нормальная. И чтобы коллектив был нормальный.

– Ну и запросы у тебя, однако!

– А у вас торговая фирма, я в торговле ничего не понимаю и понимать не хочу.

В фирме Лениного отца сейчас всем заправлял Игорь и не впервые предлагал ей работу, и Лена предлагала, но к любой торговле у Насти было стойкое отвращение. Непонятно почему.

– Брезгуешь, значит, – подытожил Игорь, накладывая дамам закуски. И, поймав грозный взгляд жены, засмеялся: – Шучу, Настюха, не злись. А насчет работы знай, что у нас место для тебя всегда найдется. Это я серьезно. Твои успехи!

Мартини было великолепным. Закуски восхитительны и красиво поданы, у Насти так профессионально сервировать стол никогда не получалось.

Она боялась, что Игорь спросит про Бориса и ей придется объяснять, почему тот живет у матери, но Игорь не спросил. Наверное, Лена его проинструктировала.

– С Левой поговори, – посоветовал он.

– Я ни в какую торговую фирму не хочу, ни в вашу, ни в дяди-Левину.

– Я не про фирму. Он же до того, как бизнесменом заделался, в инженерах ходил. Даже выше бери, он кандидат технических наук. Был, правда, всего начальником лаборатории, но знакомства-то сохранил наверняка.

– Поговорю. – Это была дельная мысль, поговорить с дядей Левой. Знакомых и приятелей у бабушкиного брата пол-

Москвы, и со всеми он ухитрился сохранять если не дружеские, то вполне доброжелательные отношения.

– Интересно, – задумалась Лена, – почему Лева так долго не женился? Ему ведь было хорошо за сорок, когда они с твоей мамой расписались. Начальник лаборатории, кандидат наук, да ему бабы должны были прохода не давать.

– Он был женат, – буркнул Игорь. – В смысле, до матери.

– Да-а? – удивилась Настя. – А я не знала.

– Не интересуешься родственниками, вот и не знаешь.

– А ты интересуешься? – с сомнением уточнила она. Ей казалось, что Игорю нет дела ни до кого, кроме себя.

– Представь себе, – неожиданно серьезно ответил он. – Я интересуюсь всеми, кто меня окружает. Секретарями, менеджерами, уборщицами. Про партнеров я уж и не говорю. Я стараюсь все про людей знать, иначе я не стал бы хорошим управленцем. А я хороший управленец.

– Хороший, хороший, – улыбнулась Лена, – отличный.

Несмотря на всю их несхожесть, было очевидно, что супруги очень близки и с ходу чувствуют и понимают друг друга.

Совсем не так, как Настя с Борей.

А Денис Геннадьевич и его жена? По тому, как она замахала руками, выходит, что им тоже хорошо вместе.

Впрочем, ей нет дела до Дениса Геннадьевича, у нее своих проблем полно. Работу вот надо искать.

– И что потом стало с этой дядь-Левиной женой? – Уди-

вительно, но никто из родственников никогда не упоминал о его загадочной первой жене.

– Не знаю, – отмахнулся Игорь, но Настя ему не поверила. Знал он о той женщине, только почему-то не хотел говорить.

Потом они долго обсуждали подарок дяде Леве, но так ничего и не придумали. Потом разговаривали просто так, ни о чем, и Настя засиделась допоздна.

– Хорошо, что ты приехала, – сказал Игорь, провожая ее до такси. – На больших семейных сборищах и поговорить толком не удается. Приезжай почаще, хоть раз в месяц.

– Спасибо, Игорек. – Настя вдохнула неожиданно чистый ночной воздух и призналась: – Хорошо у вас. Вы такие дружные, я прямо душой отдохнула.

– Ну вот видишь, – засмеялся он. – Правильно я придумал – тебя позвать.

– Это не ты, – улыбнулась Настя. – Это Лена.

– Запомни, – он приблизил к ней лицо и серьезно произнес: – Ленка всегда делает то, что я хочу. Всегда.

Настя уселась в машину, помахала ему и неожиданно поняла, что первая дяди-Левина жена отчего-то очень ее интересует.

Трудиться по субботам Ракитин привык, ему это даже нравилось: никто не мешает, не отвлекает, не лезет с ненужными разговорами. На прежнем месте он часто работал по выходным и с переходом сюда потерял не меньше двух-трех

месяцев отгулов. Впрочем, ему не приходило в голову просить отгулы.

Он приехал в институт часам к двенадцати, чтобы окончательно разобраться с текущей загрузкой подчиненных ему отделов, и к вечеру не столько устал, сколько жутко захотел есть, поскольку прихватить с собой бутерброды не догадался, выходить в ближайший магазин поленился, а столовая по случаю выходного дня была закрыта.

Глядя из окна кабинета на мерцающую размытыми огнями проезжающих машин улицу, Ракитин решил, что сегодняшним днем доволен: теперь он более-менее ясно представляет себе не только общее положение дел, но и трудности, которые могут возникнуть, если он решит воспользоваться Ларисиным предложением насчет дополнительных средств. Главная трудность: отсутствие достаточного числа толковых специалистов. Прямо беда: сотрудников полно, а работать некому.

Он понимал, что все держится на нескольких людях.

И одна из этих людей – Берсеньева Анастасия Александровна.

Ожившая статуя.

Ракитин выключил компьютер, оглядел напоследок кабинет, запер дверь, сбежал по лестнице и, попрощавшись с охранниками, которых уже узнавал в лицо, уселся в одиноко стоявшую на пустой стоянке машину. Обычно, выезжая со стоянки, он поворачивал налево и пробирался к дому пе-

реулками, стараясь избегать шумных улиц с без конца останавливающимися трамваями. Сейчас он почему-то повернул направо, теперь дорога домой пролегала почти мимо дома Насти Берсеньевой. Почти, потому что ехал он по улице, по которой Настя ходит от метро до дома. Сам же дом прятался в глубине двора.

Притормозив за стоявшими машинами, он не сразу понял, что впереди произошла мелкая авария. Ракитин терпеливо ждал, когда к обреченно прохаживающимся около своих автомобилей водителям, не поделившим дорогу, приедут гаишники, смотрел в окно и не сразу узнал в девушке, вылезающей неподалеку из такси, Настю.

Все дальнейшее произошло само собой. Ракитин сдал назад, нырнул в ближайший переулок, торопливо выскочил из машины и почти мгновенно очутился у ее подъезда.

В темном дворе было пусто: ни гуляющих пенсионерок, ни собачников, ни детей. Впрочем, какие дети, почти одиннадцать. Засиделся он на работе, ничего не скажешь.

Стоять у подъезда было глупо, Ракитин поднял голову и оглядел редкие светящиеся окна. Потом медленно побрел по асфальтированной дорожке к брошенной машине. Попытался переключить мысли на текущие и будущие проекты, но, внезапно остановившись, опять оглядел слабо светящиеся окна лестницы над дверью Настиного подъезда.

В окнах между первым и третьим этажом света не было. Ракитин замер, пытаясь определить, что ему так не нравит-

ся в тихом полумраке двора, и только тогда заметил слабый огонек, мелькнувший в окне над дверью подъезда. Там кто-то курил в темноте.

Курить мог кто угодно. Ракитин потоптался, чувствуя себя полным дураком, а еще испытывая непонятную тревогу, и слишком поздно заметил свою сослуживицу, резко открывшую дверь подъезда и почти сразу скрывшуюся за ней.

Он успел удивиться, что мгновенно очутился возле закрывшейся обитой желтыми деревянными панелями железной двери, и был уверен, что сейчас выломает ее, но она вдруг открылась легко и беззвучно. Ракитин краем глаза увидел щепку, застрявшую в дверном проеме и не давшую створке захлопнуться.

– Настя! – закричал он, рванув вверх по лестнице, и облегченно выдохнул, увидев ее в свете уличного фонаря.

Настя стояла на лестнице, привалившись к стене, и натужно кашляла, схватившись руками за шею.

– Настя, – он сжал руками ее плечи и заглянул в глаза. – Что случилось?

Она пошевелила губами и беззвучно заплакала.

– На тебя… напали? – спросил он.

Она ничего не ответила, даже не кивнула. Конечно, напали.

– С тобой… все в порядке?

Она опять не ответила.

– Пойдем, – Ракитин подтолкнул ее вверх по лестнице. –

Пойдем. Где ты живешь?

– С-сумка. – Она потянулась рукой вниз. Ракитин подобрал валявшуюся на ступеньке сумку и опять подтолкнул ее к площадке второго этажа.

Он был уверен, что на его крик сбежится весь подъезд, но никто из своих норок не вылез.

Настина квартира оказалась на втором этаже. На площадке было темно.

Ракитин посветил телефоном, чтобы Настя смогла отпереть дверь, помедлил, пропуская ее в прихожую, и приказал:

– Запрись и никому не открывай, кроме меня. Я… сейчас.

Подъезд был пуст. Он дошел до последнего, девятого, этажа. Нигде никого.

Тот, кто поджидал Настю, куря от скуки, испарился? Скрылся в своей квартире?

Ракитин дошел до стальной решетки перед входом на чердак и потрогал врезанную в нее дверь. Она была приоткрыта.

Человек, поджидавший Настю, ушел через чердак?

Денис обошел чердачное помещение, поочередно дергая двери, ведущие в каждый из шести подъездов. Открытой оказалась дверь в четвертый. Ракитин спустился на пол-этажа. Так и есть, и здесь врезанная в решетку дверь оказалась приоткрытой.

Преступник ушел через этот подъезд? Или живет здесь и скрылся в собственной квартире?

Впрочем, квартиру можно снять.

Снять жилье, чтобы напасть на Настю ночью?

Бред. Тихая, скромная девушка. Инженер-проектировщик. Кому она могла помешать?

Или нападавшему была нужна любая девушка? Все равно какая?

Ракитин быстро достал телефон, заснял на камеру из окна двор и улицу, еще прошелся по чердаку и стал спускаться к Настиной квартире.

Страх пришел, когда за Денисом Геннадьевичем захлопнулась дверь. До этого страха не было, только тупой ступор. Даже когда кто-то схватил ее сзади рукой за горло, ей не стало страшно, она просто не успела испугаться, только подумала, что это происходит не с ней. Потому что с ней, Настей, такого не может быть никогда.

По-настоящему жутко ей стало сейчас. Настя метнулась к телефону и, нажимая кнопки, удивилась, что руки у нее не дрожат. А ей казалось, что она вся трясется.

– Боря, – пролепетала она и опять удивилась, что в состоянии разговаривать, – Боренька, приезжай, пожалуйста.

– Настя? Ты представляешь себе, который сейчас час? – удивились в трубке.

– Боренька, приезжай, на меня напали. Я боюсь.

– Что?! Ты где?

– Дома. На меня в подъезде напали.

– Та-ак. Ну-ка спокойно и по порядку, – приказал Боря.

– Боря, приезжай! Я не могу говорить!

– Настя, – строго призвал Боря, – прекрати истерику. Кто на тебя напал?

– Не знаю, – устало сказала Настя. – Я не видела.

Странно, но страх прошел. Осталась одна усталость.

– Ты можешь объяснить по-человечески, что произошло?

– Не могу, – честно призналась Настя. – Мне… не хочется об этом говорить.

Она никогда не думала, что Боря может не приехать к ней, когда она его об этом попросит, когда кто-то неизвестный и страшный зажимал локтем ее горло, не давая дышать.

– Настюша, – терпеливо попросил Борис, – объясни, что произошло. Я же беспокоюсь.

– На меня кто-то напал в подъезде, но его… спугнули, и он убежал, – через силу проговорила Настя. – Сосед какой-то вошел следом за мной.

Говорить Боре про Дениса Геннадьевича ей почему-то не хотелось.

– С тобой все в порядке?

– Да. – С ней все в порядке, ее только кто-то пытался задушить, а Боря не хочет к ней приехать.

– Вот что, – распорядился он, – позвони этому… участковому своему.

– Диме Воробьеву, – подсказала Настя.

– Да. Позвони, все расскажи и ложись спать. Чай какой-нибудь успокоительный выпей.

– Может… ты все же приедешь?

– На-астя! Ну куда я попрусь среди ночи? Матери что скажу? Ну зачем ее волновать? Позвони участковому и ложись спать. И впредь по ночам не болтайся. Все нормальные люди спят давно.

– Спокойной ночи.

– Не смешно, – после некоторой заминки упрекнул он.

– А я и не смеюсь.

Настя положила трубку и побарабанила по ней пальцами. Какой уж тут смех.

Телефон зазвонил прямо под рукой. Настя помедлила, ей не хотелось больше разговаривать с Борей. Никогда.

– Добралась? – тихо спросила Лена.

– Да.

– Все в порядке?

– Да. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Слезы покатились сразу и обильно, Настя вытерла глаза ладонями, размазывая тушь, и почти ощупью побрела к ванной.

Мимо нее уже давно никто не проходил. Лариса третий час сидела в машине напротив ракитинского подъезда, без конца посматривая на темные окна его квартиры. Подъезжая, она была уверена, что он дома, и даже не додумалась взглянуть на окна, и только стоя перед закрытой дверью, по-

чувствовала, как на нее наваливается тупая усталость. Она пешком спустилась по лестнице, вышла на улицу, и с тех пор сидела, равнодушно наблюдая за подъездом.

Денис мог быть где угодно, но Лариса знала – он с ней. С той девушкой, которой смотрел вчера вслед. Она уговаривала себя, что он взрослый мужчина и может провести вечер с кем угодно. Встретиться с друзьями или просто поужинать в ресторане, он любит вкусно поесть. Или поехать к родителям. Впрочем, это вряд ли, у родителей он был вчера. Ну, тогда еще куда-нибудь… Она уговаривала себя, но не верила.

Почему-то она считала, что никакой другой женщины в его жизни уже не будет. Раньше дамы появлялись, каждый раз ввергая Ларису в полное отчаяние. Ракитин ни о каких своих симпатиях никогда не рассказывал, конечно, но она каким-то непостижимым образом угадывала и старалась не подать виду, что догадывается, и старалась быть с ним веселой, как всегда, и необременительной и терпеливо ждала, когда его очередное увлечение пройдет. Увлечение проходило, и исчезал жуткий страх, что он женится и что она, Лариса, останется одна. Без Ракитина Лариса всегда была одна, несмотря на всех своих мужей.

Почему она решила, что женщин больше не будет? Потому что их не было последние пять… нет, шесть лет? Ему только тридцать семь, он еще десять раз может жениться. У него еще все впереди.

Она опять посмотрела на темные окна. Нужно уезжать.

Нельзя допустить, чтобы он знал, что она ждет его, сидя под темными окнами. Она всю жизнь старалась, чтобы он не догадывался, насколько ей нужен.

Он и не догадывался. Сейчас ей казалось, что она и сама до сегодняшнего дня не понимала, как страшно ей его потерять. Нет, не до сегодняшнего, до вчерашнего, когда он уставился вслед незнакомой девице.

Нужно уезжать, но представить себе, что сейчас придется о чем-то разговаривать с мужем, Лариса просто не могла. Она никого не хотела сейчас видеть.

Даже Ракитина.

Лариса обвела взглядом ночную улицу с тусклыми фонарями, немного поерзала, пытаясь устроиться поудобнее, и опять уставилась на окна.

Когда-то она мучительно ждала от него самых важных слов. Что она одна нужна ему, что без нее его жизнь не имеет никакого смысла, и еще какой-нибудь ерунды в том же духе. Ждала с тех самых пор, когда он после дня рождения Наташки Зайцевой пошел Ларису провожать.

Они учились тогда в девятом классе. У Наташки собрался почти весь класс. Лариса потихоньку посматривала на Ракитина, ей очень хотелось, чтобы он пригласил ее танцевать, и он пригласил. Потом она поняла, что ее робкие взгляды Денис скорее всего заметил, и не исключено, что пригласил ее из жалости. Ну и что? Для нее это не имело значения. Главное – то, что она весь вечер с ним танцевала, а потом шла по

темной Москве, и ей было радостно и весело. И ему с Ларисой было… нескучно, это она понимала уже тогда.

Она вообще очень быстро научилась чувствовать его настроение, еще пятнадцатилетней. Знала, когда пошутить, когда посочувствовать. Впрочем, сочувствия Ракитин не терпел, с трудностями предпочитал справляться без посторонней помощи, и поддерживать его было для нее задачей не из легких. Но она с ней справлялась.

Лариса последний раз взглянула на темные окна и, стараясь сосредоточиться на дороге, небыстро поехала к собственному дому.

Ракитин думал, что Настя откроет ему сразу, а пришлось нажимать на кнопку звонка дважды, и в те несколько секунд, что он стоял перед ее дверью, он понял неожиданное и важное: необходимость видеть ее. Не только сейчас увидеть, а видеть постоянно. Мысль ему не понравилась, но он не успел ее додумать, потому что Настя наконец открыла дверь и посторонилась, впуская его в квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.